

Антоний Сурожский
Е. Л. Майданович
Пастырство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8231418

*Митрополит Антоний Сурожский. Пастырство: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», Никея; Москва; 2012
ISBN 978-5-91761-146-4, 978-5-903898-26-8*

Аннотация

Пастырство составляло содержание жизни владыки Антония, и своим многолетним опытом он щедро делился в беседах, проповедях, в личных разговорах и наставлениях. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, чье предисловие открывает книгу, при погребении митрополита Антония недаром назвал его «мудрым наставником и пастырем-душепечителем». Книга, которую вы держите в руках, предназначена не только священникам: владыка Антоний говорил, что паства должна знать о пастырстве не меньше, чем пастыри. Особенно это относится к разделу, посвященному исповеди: как часто люди сами сознают и каются, что не умеют исповедоваться! Тексты митрополита Антония не дают готовых рецептов на все случаи жизни, но позволяют приобщиться духу почившего архипастыря – духу любви, служения и жертвенной заботы, которым он научился от Пастыреначальника Христа.

Содержание

«Дадите нам от елеа вашего»	5
О пастырстве[1]	7
О пастырстве	7
Пастырство[4]	24
Слово пастыря[7]	36
О подготовке к священству	38
Священник на приходе[13]	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Митрополит Антоний Сурожский

Пастырство

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 11-115-1650

Текст подготовлен фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2012

© Т. Л. Майданович, перевод, 2012

© Издательство «Никея», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

«Дадите нам от елеа вашего»

И дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас с знанием и благоразумием.
(Иер. 3: 15)

Господь наш Иисус Христос трижды спрашивал у апостола Петра: *Любишь ли Меня?* – и трижды слышал утвердительный ответ. Мне вспоминается эта евангельская история (Ин. 21: 15–17) в связи с тем, что и в настоящей книге, и в этом вступительном слове речь идет о пастырстве и о пастыре. И мне хотелось бы обратить внимание на то, какие разные интонации слышатся в формулировках вопроса Спасителя о пастырском достоинстве, всякий раз открывая в нем новую смысловую грань:

Любишь ли ты Меня больше, нежели они? – то есть больше всех остальных последователей.

Любишь ли ты Меня? – другими словами, **любовь** ли движет тобой в отношении ко Мне или что-то другое?

Любишь ли ты Меня? – именно **ты**, и никто иной...

И только при условии утвердительных ответов, идущих из таких глубин сердечных, которые неведомы и самому апостолу, но не скрыты от Бога: *Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя*, – Спаситель произносит Свое благословение: *Паси овец Моих*.

Всей своей жизнью Высокопреосвященный Антоний, митрополит Сурожский, утвердительно ответил на вопрошание Господне о его готовности к принятию на себя пастырского бремени и о его несении вплоть до последнего дыхания.

Владыка Антоний учился быть пастырем каждую минуту в течение всей своей долгой и многотрудной жизни. Мне кажется, что при всем бесценном опыте ревностного священнослужителя, мудрого архиерея, добродетельного монаха, внимательного духовника, проникновенного проповедника и неутомимого миссионера, которым знает его православный мир, сам Владыка никогда не признал бы того, что он является выдающимся пастырем нашего времени. И дело не только в его скромности: пастырство он понимал как состояние, которое следует поддерживать постоянно, без сна и отдыха, без условий и без перерывов.

Сурожский архипастырь оставил Церкви бесценное наследие. Свидетель жизни и духовный руководитель русской диаспоры в Северо-Западной Европе, он проводил в путь всея земли поколение эмигрантов из царской России и ввел в храм Божий тех, кто родился и вырос в послереволюционной России, со временем покинув ее, а также и тех, кто сегодня свободно выбирает, где бы еще пожить, кроме дома в своем Отечестве... Пастырь добрый, он создал Сурожскую епархию, силой своего личного примера раскрыв богатство Православия и перед сынами и дочерьми Альбиона, и перед соотечественниками, оказавшимися за пределами Родины.

Собранное митрополитом Антонием духовное сокровище не положено после его кончины под спуд: оно продолжает жить и обильно плодоносить, приводя ко Христу читателей книг и слушателей бесед незабвенного проповедника.

Радость жизни со Христом стала отличительной чертой пастырской проповеди Владыки Антония. Он с особой силой убеждения научает нас принимать широко раскрытыми очами сердца Свет Христов, который не ослепляет, но просвещает всех.

Не секрет, что сегодня многие из числа неофитов останавливаются, сделав лишь первые шаги в области веры, а затем замирают, замыкаясь в своей самодостаточности, и становятся подчас источником слухов, суеверий и всякого рода размежеваний. Как душны и мрачны в их интерпретации такие состояния христианского сердца, как смирение и пост,

послушание и покаяние! Но опасность их влияния на окружающих велика, ибо в этой духоте рождается фанатизм, создающий почву для сектантских и раскольнических настроений.

Читайте книги митрополита Антония, досточтимые отцы, возлюбленные братия и сестры! Своей архипастырской любовью и проникновенной мудростью он врачует наши душевные раны и проясняет духовное зрение, укрепляет личную веру и учит оберегать ее, как нежный росток.

Предлежащая книга о пастырстве бесценна для тех, кто вступает на стезю священства или уже проходит этот тяжкий крестный путь, нуждаясь, как и все люди, в духовном совете и укреплении.

Воистину незабвенный Владыка Антоний принадлежит к сонму тех, к наследию коих не перестанет обращаться уставшее и отчаявшееся, жаждающее истины и утешения, страдающее и немощствующее сердце человека со словами: *Дадите нам от елея вашего, яко светильницы наши угасают* (Мф. 25: 8).

Его самопожертвование, проявленное при жизни, укрепляет уверенность в обретении *елея радования* в словах и делах блаженного сурожского святителя. Однажды, еще будучи молодым пастырем, он возопил ко Господу, молясь об одном из своих прихожан: *...Мы пред Тобой, Господи, как одно; или вместе спаси нас, или вместе отвергни!*

Неизмеримо огромная любовь к человеку была и остается его самым главным качеством христианина и пастыря Божия. Без любви к Богу она не смогла бы проявиться в той мере, какую явил Владыка Антоний. И потому мне очень хотелось бы, чтобы духовные последователи почившего архипастыря, молясь о его упокоении в лоне Христовом, могли с честью повторить слова Владыки: *Мы пред Тобой, Господи, как одно!*

ФИЛАРЕТ, митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси

О пастырстве¹

О пастырстве

Излишне говорить о том, какая для меня радость – быть снова в стенах Троицкой лавры и находиться в Духовной академии.

Я всегда колеблюсь, что говорить и о чем; как некоторые из вас знают, я без богословского образования, и говорить на богословскую тему среди студентов и преподавателей Академии всегда несколько боязно. Поэтому я стараюсь выбрать такие темы, на которые я могу говорить из опыта жизни: о том, что пришлось изведать, что пришлось слышать от людей, которые пережили многое, что довелось читать.

И вот сегодня мне хочется сказать вам о пастырстве. Эта тема постоянно вызывает волнующие думы у всякого священника, у всякого епископа; должна бы вызывать думы и волнение и у всякого христианина, так как в каком-то отношении, независимо от того, несет он священный сан или нет, всякий христианин послан в мир быть проповедником Христа, свидетелем вечной жизни, путеводителем других в Царство Небесное. Поэтому то, что я имею сказать, относится, разумеется, в первую очередь к священнослужению, но относится также к *царскому священству* всех верующих.

Когда мы говорим о пастырстве, само слово звучит для нас богословски; и в этом отношении в культуре городов, больших государств, в культуре промышленности оно потеряло ту живость, ту свежесть, которые имело в Ветхом и Новом Завете, когда произносилось среди полей, среди иной культуры. И мне хочется сказать несколько слов об этом, потому что само слово родилось из живых отношений пастыря с паствой, то есть попросту – пастуха с теми домашними животными, с которыми он общался.

Первое, что поражает в Евангелии, когда читаешь рассказ Христов о заблудшей овце, – это нежность, это забота. Если кто из вас жил в деревне или читал и вдумывался в быт ранних времен, то может себе представить: переходящие стада, люди, которые не только с них кормились, но которые с ними жили. Вспомните, например, рассказ в Книге Царств о том, как согрешил Давид с Вирсавией и Нафан рассказал ему притчу. Был богатый человек, у которого все было: и имущество, и стада; и пришел к нему друг, для которого он захотел пир учредить. Но ему стало жалко своих овец, своих ягнят, жалко своего *тельца упитанного*, и он велел у бедного соседа, у которого всего-навсего и была-то одна овечка, эту овечку отобрать, закласть на обед для пришедшего гостя. В рассказе говорится, что эта овечка была для его соседа, бедного, одинокого человека, словно дочь родная, словно ребенок в доме. И вот это соотношение между пастухом и ягненком, между хозяином и его стадом, конечно, мы можем уловить только воображением.

Мы можем также лишь уловить, если представим себе это соотношение, смысл ветхозаветной жертвы. Вот человек заботится о своих овцах. Среди овец рождается агнец особенно прекрасный, чистый, без порока; этого агнца, ягненка пастух будет обхаживать, кормить, за ним смотреть, беречь. И вдруг веление ему от Бога: выбрать из стада непорочного, совершенного, самого прекрасного ягненка и убить, пролить его кровь – почему? Потому что он, человек, грешен. Для нас эти картины Ветхого Завета странны; но для пастуха это явно, ясно говорило вот о чем: потому что я согрешил, невинное существо, самое прекрасное, самое чистое, беззащитное, на которое я положил свою заботу, которое я старался охра-

---

¹ Доклад в Московской духовной академии 25 декабря 1973 г. Первая публикация: Антоний, митрополит Сурожский. Проповеди и беседы. Париж, 1976 (без ответов на вопросы).

нить, оградить любовью, жертвенной силой против всякой опасности, – должно погибнуть. Это говорит о том, что грех одного всегда является мукой и губительством для невинного, причем для самого прекрасного, для самого дорогого.

И вы поймете тогда, почему, когда мы читаем притчу Христову о заблудшей овце, она нас глубоко трогает, хотя мы так далеки от этих образов и от этой жизни. Чувствуется, что эту овцу, которая просто отделилась от стада и ушла, ушла к другим пастбищам, на лакомый кусочек земли, забыла других овец, забыла пастыря, – чувствуется, что пастух-то ее забыть не может! Речь здесь не об убытке, а о том, что эта овца ему дорога, она родилась в его доме, вскормлена его трудами, защищена от волка, – и вот ушла, несчастная.

Так бывает в человеческой семье. Мне вспоминается в особенности одна семья: девушка была соблазнена молодым человеком, исчезла, и потом, через день-другой, пришла в дом весть об этом. Семья сидела; отец долго молчал, потом встал, надел пальто, нахлобучил шляпу и сказал: «Иду ее искать». И ушел на два года – искать. Семья перебивалась, семья жила надеждой, что вернется отец с девочкой. А он переходил из города в город, с места на место, от ремесла к промыслу, перебивался как умел и наконец нашел, брошенную; стыдно ей было вернуться. Он ее взял и привел обратно. Это более, может быть, нам доступная картина пастырства, того, как пастырь древности, пастух, относился к своим овцам. Слова «агнец», «козленок», «овца», «телочка», которые нам почти ничего не говорят в нашей культуре, были такими теплыми, такими живыми словами ласки, любви, взаимных отношений.

Когда дальше вчитываешься в Евангелие, находишь еще места, как то, которое читается в канун святительских дней, отрывок из Евангелия от Иоанна: *Аз есмь Пастырь добрый; Пастырь добрый душу свою полагает за овец, а наемник бежит, потому что он наемник и нерадит о овцах* (Ин. 10: 11–12). И дальше: *Знаю Моих, и Мои знают Меня* (ст. 14). Эти места говорят именно о глубоком, тонком, чутком, любовном взаимоотношении. Пастырь идет впереди своего стада, чтобы первым встретить опасность: вора, разбойника, волка, хищного зверя, разлившуюся реку. Что бы ни пришлось им встретить, он идет впереди, он должен первый встретиться лицом к лицу с этой опасностью.

И тут выявляется другая черта пастырства. В нем – не только ласка, нежность, сознание, что нет ничего дороже этой овцы, и что, когда она уйдет, это для пастыря не утрата, а непоправимое горе. Вторая черта – это деятельная, мужественная любовь, защита, заступление, то, что в русской древности называлось «печалование»: долг пастыря встать перед властями, перед угнетателем, перед тем, кто может погубить жизнь, честь, душу человека, и сказать: «Нет! Нельзя! Пожалей, у тебя тоже совесть есть, к тебе тоже придет смерть, перед тобой тоже встанет суд».

Если вы вчитаетесь в разные места из Ветхого и Нового Завета, вы найдете, разумеется, гораздо больше указаний, чем я сейчас даю. Я хочу отметить только некоторые основные свойства пастыря, без которых пастырства нет: пастырство – не ремесло, не техника, не руководство, не властвование, а именно ласковое, жертвенное служение. Пастырство не знает дня и ночи; нет такого момента, когда человек не имеет права страдать, не имеет права быть в нужде, потому что пастырю пришло время отдохнуть или он занят собой. Нет такого времени! Потому что если моя паства – моя семья, если они родились вокруг меня, если они – мои дети, то как же я скажу своему родному: «Ты перестрадай, а когда у меня будет время, я позабочусь о тебе». Так же нет такого времени, когда молитва пастырская может престать. Нельзя сказать человеку: «Ты так давно болеешь, я тебя все реже, реже поминаю, я устал от твоей болезни, от твоего горя, от твоего тюремного заключения, от того, что все у тебя не ладится и не спорится». Разве это возможно, разве мы так относимся к сестре, к матери, к отцу, к брату, к невесте? Нет, не так!

Вот подлинная мера пастырства: нежное, глубокое, вдумчивое, кровное соотношение; и оно кровное на самом деле, потому что мы действительно одна семья и одно тело, это

не только богословское утверждение. Если это не так, тогда вообще все, что мы говорим о крещении, которое нас делает живыми членами живого Христова тела, – ложь; если это не так, тогда то, что мы говорим о причащении Святых Таин, о приобщенности Телу и Крови Христовым, которая нас делает единосущными, единокровными со Христом, – ложь. А если не ложь, то надо делать прямые, беспощадные иногда для себя выводы: каждый человек мне брат, сестра; он Богу так дорог, что Бог за него Сына Своего Единородного отдал; он Христу так дорог, что Спаситель всю Свою жизнь и всю Свою смерть отдал для того, чтобы этот человек, который мне по человечеству не нравится, жил, воскрес, вошел в Царство Небесное, стал моим братом. Это реально, и пастырство – в этом.

В сердцевине пастырства, однако, нечто еще большее. Есть один Пастырь, *Пастырь овец великий* (Евр. 13: 20): Господь наш Иисус Христос. Он – Пастырь по преимуществу, Он – Единый Пастырь всей твари и, даст Бог, всех упасет в Царство Небесное. А мы пастырствуем Его благодатью; мы стоим на том месте, где никакая тварь, никакой человек, самый святой, не смеет стоять; там может стоять только Господь Бог. Приносить бескровную жертву может только Тот, Кто принес кровавую жертву в Своем теле и предал Свой дух Богу о нашем спасении.

Как легко мы входим в алтарь, забывая, что алтарь – то место, которое собственно, лично принадлежит Богу; что туда войти нельзя иначе как с сознанием ужаса, чтоходишь в удел Божий, что на этом месте никто стоять не смеет. Там веет Духом Святым; там место, где только Христос Своими стопами может ходить. Мы должны были бы входить в алтарь только для того, чтобы совершать в нем служение, в ужасе, в трепете, в сознании, что только Божественная благодать, как рука Божия, легшая на Моисея, когда слава Господня на Синае проходила перед ним, может нас оградить от того, чтобы Божественный огонь нас не изничтожил, как огонь, сшедший с небес на жертву Илиину. Вот как мы должны были бы в алтаре стоять, в алтарь входить.

Что же сказать о самой жертве, о самом служении? Единственный Первосвященник Церкви Христовой – Господь Иисус Христос; единственная сила, творящая чудеса в таинствах и различных Божественных действиях, – сила Божия, сила Господа Вседержителя Духа Святого. В начале Литургии, когда все готово к совершению таинства, когда народ собрался, священство в облачении, когда хлеб и вино заготовлены на жертвеннике, диакон говорит слова, которые так легко мимо нас проходят: *Время сотворити Господеви: владыко, благослови*. И мы это воспринимаем просто как напоминание священнику: теперь, мол, начинай службу. Я спрашивал на Афоне старых монахов, как они читают в греческом подлиннике смысл этих слов. Они совсем не так их понимают, что «теперь пора совершать службу для Бога». Переставляя ударение с одного слова на другое, ударение не грамматическое, а ударение произношением, они толкуют эту фразу так: «А теперь пришло время Богу действовать». Мы сделали все, что по человечеству нам доступно: пришли, составили живой церковный собор, облачились, принесли Богу личную молитву, покаяние, стали со страхом и трепетом перед лицом Божиим, приготовили хлеб и вино; а что больше мы можем сделать? Неужели какой-то священнической или архиерейской силой мы можем превратить этот хлеб в Тело Христово, это вино – в Кровь Христову? Это может совершить только Господь. Теперь священник и диакон будут произносить священные слова, которые превосходят их, превосходят всю человеческую Церковь, которые могут быть произнесены в церкви и Церковью только потому, что Церковь не является всего лишь человеческим обществом, пусть верующим, пусть преданным Богу, пусть послушным ему, а Богочеловеческим телом, равно Божественным и равно человеческим, где во всей полноте обитает Святая Троица в единстве с примирившейся с Богом тварью, где Божество во Христе плотью обитает среди нас во всей полноте (Кол. 2: 9). Духом Святым полна и жива Церковь, и жизнь наша со Христом сокровенна в Боге (Кол. 3: 3). Вот почему мы можем говорить эти священные слова, превосходя-

щие все, что человек может сделать или помыслить. И все равно: наши будут слова и наши будут действия, без этих слов и этих действий не совершится ничего, – и однако, Совершителем таинства остается Господь Иисус Христос, Единственный и Единый Первосвященник и Пастырь Церкви, силой Духа Святого Который наполняет Церковь.

И странно это церковное общество; не напрасно мы говорим: *Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь...* По видимости – это все мы; незримо – это мы в глубоком, тесном родстве с Богом; братья и сестры Христа по плоти; братья и сестры Христа по таинственному приобщению Его человеческой воскресшей природе через Таинство крещения и причащения, через принятие Духа Святого в миропомазании. Мы являемся эсхатологическим обществом, то есть обществом, где одновременно, непостижимо, но опытно ощущимо уже присутствует будущий век в пределах этого века, уже пришел конец. Потому что конец – это не какое-то мгновение во времени, а полнота; а полнота пришла Воплощением и даром Святого Духа. Конец пришел, и, однако, конца мы ожидаем; в пределах времени уже действует тайна вечной жизни. И она когда-то разверзнется, и тайна вечной жизни захватит все, даже время. Кто-то из западных русских богословов сказал, что халкидонский догмат относится не только к Воплощению, к соединению во Христе Божественной и человеческой природы. Самое время после Воплощения и дара Святого Духа имеет халкидонское качество как бы соединения вечного, уже пришедшего будущего века и временного нашего бывания и становления.

Вот что знает Церковь. И когда мы взываем к Духу Святому в епиклезисе, когда мы обращаемся к Нему и вопием: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящихся,* – мы просим Духа Святого, присутствие Которого является знаком, признаком вечности уже пришедшей, вечности, уже внедрившейся во время, просим Его прийти и совершить чудо, чтобы эта община разверзлась до пределов бесконечности и вечности, чтобы эта малая христианская община стала на мгновение вечностью, и чтобы то, что будет истиной в вечности, стало реальностью во времени: хлеб и вино стали бы Телом и Кровью Христа. В историческом времени этого не бывает; в мире двух измерений времени и пространства этого не случается; но это бывает, и это случается, и это происходит в тот момент, когда вечность врывается во время и время уже теперь поглощено вечностью.

Но каково же наше, священническое положение? С каким ужасом стоим мы, совершая служение, когда это совершается! Знаю случай, когда молодой священник, предстоя у престола Божия и чувствуя, что он не в силах совершить таинственное, превосходящее всякую человеческую силу священнодействие, в момент растерянности сказал: «Господи! Я не могу! Я не могу!» – и вдруг почувствовал, что между ним и святым престолом Кто-то стал; ему пришлось отступить и стоять на расстоянии от престола, потому что Некто невидимо стоял, совершая ту Божественную литургию, которую Он Единственный может совершить. Это – наше время, это в пределах моего личного опыта.

Значит, то, что верно о Христе по отношению к твари, по отношению к человеку, должно быть истиной и реальностью в жизни, в опыте, в действии пастыря. Христос был во славе Отчей. По любви, жертвенной, крестной любви к падшему человеку, Он стал человеком; Он принял на Себя все ограничения тварности; Он принял на Себя жизнь в до ужаса сузившемся через грех тварном мире; Он понес на Себе все последствия падения. И не только в жажде, не только в голоде, не только в утомлении, не только в смятении духа, не только в слезах над Лазарем, не только смертью телесной, физической на Кресте. Он с нами так соединился, настолько стал един с нами, настолько захотел быть тем, что мы есть, чтобы мы стали тем, что Он есть, – что свободной волей, трагически, крестно, убийственно принял на Себя боголишенность, которая убивает человека. Человек потерял Бога грехом, Христос как бы потерял Бога в момент Своей крестной смерти, чтобы ничем не быть отделенным

от судьбы человека. *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?* (Мк. 15: 34) – самый страшный крик, который когда-либо звучал в человеческой истории, потому что Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, захотел так быть единым с *сынами противления*, что согласился, как они, вместе с ними, лишиться Бога. И от этого боголишения, от этой страшной богооставленности Он умер, как всякий сын человеческий, и сошел во ад.

Мы ведь свидетельствуем иконами, преданием церковным, верой Церкви, что по смерти Христос сошел во ад; но мы должны понимать, что это значит! Когда мы думаем об аде, мы думаем картинно, фольклорно о месте страшных мучений. Но самое страшное в аде Ветхого Завета, в *шеоле*, о котором говорит псалмопевец или другие места Священного Писания, не мучения, а то, что это место, где Бога нет и не будет никогда, это место последнего, безнадежного отсутствия Божия, предельной богооставленности навсегда. Грехом Адама в этот ад сходили все. Прочтите притчу о богаче и Лазаре; и богач, и Лазарь, и Авраам находятся в этом шеоле; судьба их различна, страдание их различно, а оставленность – почти одинакова; между Богом и этим местом нет пути. И когда Христос сходит во ад, потеряв Бога в этом ужасе боголишенности, Он, как всякий человек, потерявший Бога, уходит в те глубины, из которых как будто нет возврата и где нет встречи с Богом. И ад широко раскрывается, чтобы уловить Того, Кто на земле его побеждал все время, во всем, везде. И – о ужас! – обнаруживает, что с этой человеческой душой вошла в ад полнота Божественного присутствия.

Это путь Христов. Каков же наш путь? Если мы пастыри, если мы священники во Христе, то мы должны пройти весь путь Христов в готовности так быть едиными и с заблудшей овцой, и с богооставленным, и с грешником – со всяким человеком, чтобы, если нужно, пойти на ужас Гефсиманской ночи, пойти на ужас телесной смерти, пойти на ужас боголишенности... В момент, когда мы думаем только о том, что смерть откроет нам наконец путь к Богу, мы должны быть готовы сойти в человеческий, земной ад и, если нужно, никого не оставить без нашей милости, где бы он ни оказался.

Когда Христос говорит: *Я знаю Отца и потому отдаю душу Свою за овец* (Ин. 10: 15), – Он говорит о том, что так знает крестную, жертвенную Божественную любовь, что отдает всего Себя: вечность Свою – на погубление, славу Свою – на потухание, тело Свое – на поругание, душу Свою – на терзание, всего Себя отдает, каждый час. Спаситель говорит: *За них Аз свящу Себе, за них Я посвящаю Себя* (Ин. 17: 19). Это значит две вещи. С одной стороны: «Я отдаю Себя в жертву», а с другой стороны: «Я приготавливаю Себя к этой жертве такой совершенной чистотой, святостью, богоотданностью, чтобы быть достойным, непорочным Агнцем, закланным прежде начала мира». Вот стояние священническое.

Я не могу в одной беседе сказать вам очень многое, но хоть это воспримите где-то с краю того, что найдете в учебниках, где так богато и так хорошо очень многое сказано. Но если мы этого не знаем, то из учебников мы можем научиться тому, как быть священником, но не *какими* священниками быть. Образ у нас только один; не пример даже, а существо нашего священства одно: Господь Иисус Христос. *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20: 21). *Я вам дал пример, чтобы вы ему последовали. Как Я умыл ноги вам, так и вы умывайте друг другу ноги* (Ин. 13: 14–15). *Кто хочет из вас быть первый, да будет всем слуга* (Мк. 9: 35).

Нет власти у священника; нет прав у священника; есть только страшная и дивная, подлинно Божественная привилегия – любить до смерти, и смерти крестной. Кто-то из западных подвижников, спрошенный, что такое священник, ответил: «Священник – это распятый человек». Это человек, который отрекся, и отрекается, и каждый час должен заново отречься от себя, от каких бы то ни было прав; не только от ложного права творить зло и быть грешником, но даже и от законных прав человечности, человеческой жизни. Он – образ Христов,

он – икона, он – Христова забота, он – Христова любовь; он – Христова кровь, которая может быть излита.

На этом пути есть несколько вещей, которые священник должен делать. Первое – молиться; предстоять перед Богом за паству, за народ. Но предстоять за народ не значит чувствовать себя отдельным, привилегированным человеком, который имеет доступ в алтарь и возносит молитвы. Предстоять перед Богом за народ значит чувствовать себя настолько единым с этим народом, что каждый крик этого народа, каждый стон, каждая мольба, каждый возглас покаяния, каждая радость проходит через него, как вода течет по желобу. А это порой бывает очень страшно. Помню, когда я был молодым священником, у меня в приходе был человек, от которого я приходил в ужас и отвращение и внутреннее содрогание. И однако мне было ясно, что если я не могу сказать, что даю через себя, в себе место молитве этого человека, если я не могу сказать перед Богом: «Он и я – одно», то я не имею права служить Литургию за него. Помню, я приходил в церковь за два, за три часа перед службой, стоял перед Царскими вратами и бился и бился до момента, когда мог, наконец, сказать: «Да, Господи, пусть через меня пройдет молитва этого человека; я его признаю как плоть от плоти моей и кровь от крови моей, хотя переживаю его, как проказу». И так в течение больше десяти лет пришлось бороться. И так борются бесчисленные люди. Конечно, не все так плохи, у других людей больше горения, больше духа, больше силы, пусть так; но рано или поздно каждому, может, придется поставить вопрос: могу ли я сказать об этом человеке: «Он плоть от плоти моей, он кровь от крови моей, и мы перед Тобой, Господи, как одно; или вместе нас спаси, или вместе отвергни!».

В конце древнего чина исповеди на Руси, после того как была принесена исповедь, когда уже была дана разрешительная молитва, кающийся клал свою руку на выю, на шею, священника – и священник ему говорил: «Грехи твои на мне; иди с миром». Грехи твои на мне, потому что во мне действует Христос, Который Один только может взять чужие грехи. Но также и в другом смысле: когда кто-нибудь так тебе поверил, что открылся тебе, исповедал свою душу, – твоя судьба и его судьба переплелись на веки вечные и навсегда. То борение, которое в человеке происходит, – не борьба против плоти и крови, не борьба против его человечества, вещества, а борьба *с силами злобы поднебесной* (см. Еф. 6: 12). И если человек тебе открыл свое борение, свою борьбу, свой грех, свою пораженность, ты, священник, должен ради него, для него, вместе с ним побеждать в себе то зло, которого ты стал вольно и свободно сопричастником, приняв его исповедь и признав его человеком, который является плотью и кровью твоей. Исповедующий – это человек, которому другой так может поверить, чтобы открыться до конца. В его любовь можно поверить и знать: ты не будешь отвергнут, в его правду можно поверить и знать: ты не будешь обманут, в его верность можно поверить и знать: он никогда не отступится от тебя, ни в этом веке, ни в будущем. Таковы ли мы, священники, исповедующие другого?

Но это относится не только к священнику, это относится ко всем. Каждая исповедь может быть последней исповедью человека; каждую исповедь человек должен приносить Богу, словно это его предсмертный час. Каждую исповедь должен принимать священник с таким же благоговением, с таким же сознанием ответственности, с таким же трепетным ужасом и трепетной любовью, с какими он препровождал бы на суд, шел бы на суд Божий вместе с человеком, который у него исповедуется. И так же должны понимать исповедь те люди, которые толпятся и ждут своей очереди. Человек стоит на Страшном суде: уйдет ли он оправданным – или я увижу воочию вечную гибель брата или сестры? Если бы только мы это понимали, разве мы с нетерпением относились бы к долгой исповеди, когда человек предсмертно, наконец, напоследок старается спастись от вечного осуждения? А разве мы учим этому кого-нибудь, начиная с себя самих? Разве мы в этом смысле не грешим вместе с

народом, который нетерпеливо относится к долгой исповеди, потому что «время проходит, моя очередь могла бы настать»? Если ты не сумел проявить любовь, заботливость, молитву по отношению к этому человеку, который перед Божиим судом, о чем ты думаешь, чего сам от Бога ожидаешь? Ведь какой мерой мерил, такой мерой и отмерится.

И последнее, что мне хотелось бы сказать (и конечно, все это очень бегло), – одно только слово о проповеди: как проповедовать, как готовиться? Скажу так: всей жизнью готовься. К проповеди не готовятся, просто засева за письменный стол и окружив себя толкованиями Святых Отцов. Когда Отцы говорили, слова их шли из сердца, они *кричали* из глубины своего опыта. Если мы будем просто повторять то, что они говорили, может никуда не достичь их крик. У святого Иоанна Лествичника есть место, где он говорит, что слово Божие подобно стреле, которая способна ударить в цель и пробить щит. Но, говорит он, стрела останется бездейственна, если нет лука, тетивы, крепкой руки и верного глаза. Вот это – мы. Слово Божие – как прямая, чистая стрела, способная пробить любую толщу греха, любую окаменелость; но она не полетит, если кто-нибудь не пустит эту стрелу, если не будет верного глаза, который ее направляет, мощной руки, которая натянет лук. И в этом наша громадная ответственность.

О чем говорить? Очень просто: проповедь не надо говорить никому, кроме как самому себе. Стань перед судом евангельского отрывка, поставь себе вопрос о том, как ты сам стоишь перед ним, и как этот отрывок, Божие слово живое, личное, тебя судит, что оно тебе говорит, что ты можешь ответить Живому Богу, Который требует ответа, и действия, и покаяния, и новой жизни, – и скажи. Если слово, которое ты говоришь в проповеди, тебя ударяет в душу, если глубоко вонзается, как стрела, в твое собственное сердце, оно ударит и в чужую душу и вонзится в чужое сердце. Но если проповедник будет говорить «вот этим людям» то, что, ему думается, им полезно знать, то большей частью это будет бесполезно, потому что ума это, может быть, коснется (если проповедник окажется способным умно об этом сказать); но ничью жизнь это не перевернет.

Самая сильная проповедь, которую я слышал в жизни, была проповедь не «умного», скромного, самого обыкновенного священника, которого я знал. Он стал в Великую пятницу перед Плащаницей с намерением проповедовать, долго молчал и плакал, потом повернулся к нам и сказал: «Сегодня Христос умер за нас...», – стал на колени и зарыдал. И после этого было долгое, долгое молчание и истинный плач из глубин души у многих. О, про Распятие можно много сказать! Но этого нельзя так сказать, если твою душу не пронзило оружие. Вот так надо проповедовать.

Конечно, надо иметь какое-то знание; конечно, надо понимать, о чем говорит Евангелие или отрывок Священного Писания, о котором ты будешь говорить; но этого мало! Если твоя проповедь тебя самого не ранит в самые глубины, если ты сам не предстоишь в ужасе перед Богом и не говоришь в Его имя – может быть, себе в суд и в осуждение, но во спасение другим, – то такая проповедь ничью жизнь не переменит. Не от Священного Писания, не от мудрости говорил Иоанн Креститель; он говорил из глубин зажегшегося сердца, из глубин покаявшейся совести, из глубин человека, который так возлюбил Бога, так возлюбил других людей, что всю свою жизнь погубил, по-человечески говоря, чтобы быть готовым сказать одно живое слово за Бога. И потому Священное Писание его называет *гласом вопиющего в пустыне* (Мк. 1: 3). Это был голос Божий, который звучал через человека.

Дай нам Бог научиться хоть чему-то из дивных слов Священного Писания, из образа Христа, из учения Отцов, из примера святых. И тогда наше пастырство, которое должно быть в первую очередь, раньше всего сораспятием со Христом и воскресением жизни, принесет плод во спасение и в чужой жизни – вернее, в жизни брата, сестры, потому что «чужих» нет, – и в нашей жизни.

– С одной стороны, верующие люди часто хотят видеть в священнике человека не от мира сего. С другой стороны, Бог посылает священника с миссией именно в мир. Как священнику мудро сочетать в себе светское с духовным, Божественное с человеческим, чтобы его служение было и полезным, и спасительным?)²

– Скажу три вещи на это. Первое: мы напрасно и ошибочно разделяем деятельность от созерцания и напрасно противопоставляем область Божественную человеческой области. Если определять деятельность по ее точке приложения – общественная работа, преподавание, ректорство и т. д., конечно, деятельность кажется совершенно лишенной созерцательного момента; и если мы определяем созерцание монашеской, затворнической кельей, то, конечно, не видно, в чем тут деятельность. Но надо думать не об очевидном, а всегда восходить ко Христу. И что мы видим во Христе? *Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен* (Ин. 5: 30). Христос вслух произносит слова, которые покоятся в бездонном, таинственном Божественном молчании; Он слушает Отца и провозглашает суд Божий. И еще: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин. 5: 17). Отец показывает Сыну все, что творит Сам. Христос созерцает дела Божии и осуществляет их в жизни. Христианская деятельность не определяется точкой приложения; можно делать что угодно как христианин и делать то же самое не как христианин. Христианская деятельность также не определяется лишь тем, что мы поступаем, применяя, как можно более добросовестно, заповеди, относящиеся к данному положению. Христианская деятельность в своей предельной сущности – это действие Божие, совершаемое через человека. Это деятельность человека, который так сумел вслушаться в слово Божие, что провозглашает Божие слово; так взглядеться в пути Божии, что его поступки – делание, которое Господь совершает через него.

В этом смысле мудрость человеческая и мудрость Божия глубоко различны. Человеческая мудрость строится из опыта прошлого, который применяется в данное время, в настоящем, или проектируется на будущее. Мудрость Божия действует иначе. Кто-то из Отцов сказал, что причинность в действиях Божиих не позади, а впереди. Бог действует не только «потому что», но «ввиду того», что знает, куда Он ведет всю тварь. И в действиях Божиих всегда есть неожиданность, они вносят что-то, чего ранее не было в данной ситуации. Типичное действие Божие в ответ на человеческое падение и на человеческую историю – Воплощение. Христос не «выправляет» человеческие пути, Он делается человеком, и через Его вочеловечение человеческая история и человеческая жизнь приобретают новое измерение, и человеческая природа приобретает новое качество божественности. Так что если мы хотим действовать в мире как христиане – и это относится ко всему: к работе хозяйки дома, к преподаванию, к общественной или политической деятельности, ко всему без остатка, – христианин должен во всем участвовать или может во всем участвовать. Но он будет участвовать в полном смысле слова тогда, когда путем углубленной молитвы, глубокого созерцательного соотношения с Богом будет подлинно Божиим присутствием, проводником путей Божиих, со всей их неожиданностью, со всей присущей им чудотворной силой преображения и изменения.

Второе (это будет короче, Владыко, утешаю вас) относится к славе, в которой служит священник, и к тому, что хотят, чтобы он был от мира сего или не от мира. В самом трудном положении человек посредственный, потому что такой неприемлем ни Богу, ни людям; такой неубедителен ни в каком направлении. Но если человек свят, его святость сама по себе свидетельство, доказательство и имеет силу авторитета – не власти, а убедительности. В этом разница между властью и авторитетом: власть имеет тот, кто может заставить, авторитет есть

---

² Первые два вопроса поставил ректор Академии, архиепископ Дмитровский (ныне митрополит Киевский) Владимир (Сабодан).

у того, чьи слова являются истиной и жизнью и духом, – как говорили о Христовых словах. Человек может быть совершенно безвластным, не иметь никакого «места» в обществе, как Христос, Который родился в небольшой, презренной, оккупированной стране – и изменил весь мир. Если человек умеет стоять перед Богом в сокрушении сердца, в сильной любви, то будь он праведник или грешник, он может послужить во спасение другим людям.

Священник, который на меня произвел самое потрясающее впечатление на исповеди, был человек, который пережил очень страшную трагедию в жизни и начал пить. Пил он отчаянно. Одно время он оказался нашим приходским священником, потому что нашего настоятеля немцы посадили в концентрационный лагерь. Я тогда был молод, настроен пуритански, аскетически, рвался в небо когтями и зубами и всеми своими силами и думал, что у меня это как будто даже получается. Я пришел на исповедь к нему. Он был в тот день трезв; он слушал мою исповедь с плачем, он плакал, как Марфа и Мария над Лазарем, не пьяными слезами, а плакал о том, что человек еще молодой, который может стать Христовым, грешит, падает, не понимает, что такое смирение, не понимает, что такое любовь, не понимает путей Божиих. И когда я кончил, он мне сказал: «Вы ведь знаете меня – и знаете, какой я недостойный человек и недостойный священник; но слово Божие остается истинным, и я вам скажу правду о вас...». И сказал; и плакал надо мной. И я никогда в жизни не встречал человека, который дошел до той глубины смирения, до какой дошел этот священник, – пусть путем очень страшным. Но я думаю (потом я был его духовником несколько лет перед его смертью), что та мера смирения и любви, которая в нем была, конечно, загладила весь грех его жизни; потому что в конечном итоге плод жизни – любовь и смирение, ничто другое.

– Спасибо за прекрасные примеры. Но мой вопрос сводился к следующему: насколько человек, облеченный священным саном, уже отличающийся от внешнего мира, от других людей, должен быть изолированным от светской жизни, а вместе с тем и не изолированным? Как это сочетать, чтобы не создавалось впечатление, которое иногда бывает: священник попадает в нецерковное, нерелигиозное общество; с ним, как с живым человеком, начинается человеческий разговор, контакт, беседа, и оказывается, что священник выглядит очень бледно. Он в себе носит только схему богослужения и требоисправления и совершенно отрешен от мира, от всех интересов, проблем мира, от его достижений, от культуры, от истории, от всего, что есть в мире. И создается впечатление: ну вот, аудитория у него на десять веков отстала и он сам таков... На каком языке священнику говорить с современным человеком? Меня этот элемент, это место интересует.

– Я думаю, что в церковной традиции жизни дан совершенно ясный ответ на это. Возьмите патристическую эпоху: все Отцы Церкви были людьми большой культуры, укорененными в мире, в котором они родились, который они знали очень глубоко и тонко, который они сопоставляли с евангельской вестью, с благовестием Нового Завета и в выражениях которого старались передать это благовестие. Потому что передавать благовестие на языке, непонятном слушателю, – то же самое, что говорить на «птичьем» языке, пользы будет столько же. Мне кажется, что, когда, например, Тертуллиан говорил: «Ничто человеческое мне не чуждо», – он выражал эту же самую мысль.

Грех нам должен быть чужд; причем чужд в том смысле, что мы не должны приобщаться греху. Но не знать грех, не знать о грехе, не иметь того глубокого психологического и духовно-психологического знания греха, какое было у Отцов Церкви, у аскетов, подвижников, – значит обречь себя на то, чтобы проповедовать добродетель, осуждать грех – и не быть в состоянии никому помочь. Может быть, у меня уклон в терапевтическую сторону, потому что я врач по образованию, но мне кажется, что, если священник хочет говорить с людьми этого мира, очень насущно ему знать все, что можно знать о том мире, в котором он живет.

Если же мы просто не станем говорить с людьми этого мира, то мы обречены стать ископаемыми в лучшем случае, а в свое время и «закопаемыми», когда ничего больше не останется, кроме наших могил. Я знаю просто на своем опыте, относительно небольшом, но все-таки уже 25-летнем, в довольно многообразной обстановке, что, если священник просто святой (это не так часто бывает), с него ничего не спросят. Если у него есть различение духов, если им говорит Бог, если к нему можно прийти на исповедь и быть духовно исцеленным, если новая жизнь начинается от встречи с ним, – разумеется, его не станут спрашивать о мирском. Но такие люди редки, и никто из нас не имеет права сказать: «Я – человек духа, и мне ничего другого не нужно». А в обычной, нормальной жизни, может быть, по уму и провожают, но встречают, несомненно, по одежке. И когда вдобавок на нас одежда не совсем привычная, то очень важно, чтобы в священнике, одетом непривычно, ведущем себя, может быть, несколько необычайно, люди встречали человека, который о земной жизни знает больше, а не меньше их. Я сейчас не говорю, разумеется, о том, что нам надо быть на уровне и науки, и литературы, и искусства, и всего, вместе взятого. Но я вам дам такой пример.

Несколько лет назад ко мне пришла чета: она русская, он англичанин. Она была верующая, а он просто, самым элементарным образом неверующий; они просили их венчать. Я поговорил с ними и, когда обнаружил, что жених неверующий, сказал, что не стану их венчать, потому что не стану таинство давать неверующему. Это его изумило: значит, я все-речь принимаю то, что делаю? Откуда это? И он начал мне ставить вопрос за вопросом. В конце разговора он сказал мне: «Знаете, это настолько важно, что я хочу отложить на шесть месяцев свадьбу и сначала узнать, что вы имеете сказать о жизни». И мы стали с ним разбирать в течение каких-то трех месяцев нашу веру, исходя от чина венчания, бракосочетания. Я ему не говорил почти ничего о Боге, вначале – просто ничего; я только ему говорил, что Церковь знает о человеческой любви, что вложено в этот чин. И после двух-трех бесед он сказал: «Знаете, мне в голову не приходило, что Церковь о любви знает то, чего мы не знаем в миру». И так, шаг за шагом, он в свое время крестился и был венчан в Церкви.

Мне приходится постоянно сталкиваться со смежной областью: болезнь, страдание, смерть, этические принципы медицинской профессии. Об этом часто говорят священники в группах докторов или среди студентов-медиков, но почти всегда они малоубедительны, потому что летают по поднебесью, и конкретно это не встречает понимания тех, к кому они обращаются. Я сейчас читаю очень много лекций и веду семинары на эти темы в университетах и медицинских школах; по образованию я естественник и врач и потому знаю, о чем речь идет³.

То же самое в других областях. Бывает, со священником заговорят о чем-то очень в духовной перспективе значительном для окружающих людей – а он никогда не слышал. Помню случай. Вы, вероятно, слышали о западном ученом и священнике Тейяре де Шардене. Одному из наших западных архиереев был поставлен какой-то вопрос по его поводу года три-четыре спустя после того, как вышли его основные книги; тот никогда не слышал о нем. Разговор на этом прекратился: кому интересно с ним говорить? До него еще не дошло то, что волнует всех вокруг. Когда-то еще дойдет; а когда дойдет – что он в этом поймет?

Мне кажется, что не так относится Бог к тварному миру. Бог этот мир сотворил; для Него все, что составляет предмет нашего научного изыскания, является в своем роде богословием, то есть познанием о Боге. *Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь* (Пс. 18: 2). То, что относится к красоте мира, – это познание о Боге. Все творчество есть какая-то приобщенность к Божественному творчеству – и это говорю не я, это говорит святой Григорий Палама, один из величайших Отцов Церкви. Мы не имеем

---

³ См.: Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть. М.: Зачатьевский монастырь, 1995 и др. изд.; Труды. М.: Практика, 2002.

права не знать, какими путями идет человечество, потому что христианская вера, библейское предание в целом – единственное предание на свете, которое историю принимает всерьез и материальный мир принимает настолько всерьез, что мы верим в воскрешение мертвых, плоти воскресение, а не только в вечность неумирающей души. И я думаю, что нам необходимо глубоко, утонченно, широко знать и познавать все то, что составляет умственную, душевную, историческую, общественную, политическую мысль человечества. Не потому что в Евангелии есть какая-то политическая, или общественная, или эстетическая доктрина, а потому что нет такой области, на которую Божественная благодать не бросала бы луч света, преображая то, что способно на вечную жизнь, и иссушая то, что не имеет места в Царствии Божиим. И наше дело – иметь более глубокое понимание мира, чем есть у самого мира.

Было время, когда Церковь (то есть сознание апостольское, сознание Отцов) была больше этого мира. Мир был мал для Церкви, Церковь его держала в ладони. А постепенно – потому что Церковь обмирщилась, не потому что она стала святее, – она стала мельчать, и теперь Церковь является одним из очень небольших обществ среди огромного человеческого общества. Не потому что мы немногочисленны, это не важно – апостолов было всего двенадцать, и они охватывали своим видением и действием весь мир; а потому что мы стали мелки и близоруки. Под предлогом, что мы не хотим касаться греха, мы не касаемся порой самого святого и глубокого, что есть в человеке, на случай – вдруг то в нем какая-то зараза. И не читаем того, что люди пишут, потому что они говорят не то, что мы сказали бы. Беда в том, что среди нас, не говорящих и не пишущих, очень мало людей, способных написать что-нибудь такое большое, как часто пишут люди в миру. И мы должны понимать их лучше, чем они сами себя понимают. Это мое глубокое убеждение.

Это не значит, что мы должны забыть молитву для того, чтобы заниматься чем-то другим; это значит, что мы должны везде и всюду быть присутствием молитвы и того измерения, которое называется Божественное присутствие. Но и в уме, и в сердце, и в воле, и в действии, и в научном исследовании, и в философском мышлении, во всем без исключения, даже там, где нам нет прямого доступа, у нас есть возможность иметь глубокое понимание – и это уже много.

– Пастырь-инок и пастырь-священник, связанный узами семьи: каковы трудности их пастырского служения?

– К вопросу можно подойти двояко. Можно говорить о чисто житейских трудностях священнической семьи и о какой-то «легкости» монашеского состояния, если о монашестве думать только в порядке холостяка, свободного от мирских забот. Но об этом у вас есть достаточно ясное представление без меня и, что касается вашей обстановки, гораздо более ясное, чем у меня.

Между священством женатым и монашествующим есть глубокое различие. Говоря чрезвычайно коротко: Священное Писание дает нам образ Царства Божия в притчах брачной радости и брачного единства. Об одиноком пути Священное Писание говорит словами, например, Книги Откровения, где мы призваны следовать за Агнцем, куда бы Он ни пошел (Откр. 14: 4). Это два пути. О них сейчас говорить я просто не могу, потому что каждый потребовал бы, разумеется, целой беседы. Но когда женатый священник старается жить, будто у него нет семьи, быть как бы холостяком, у которого в придаток семья, и рассматривает жену просто как кухарку и хозяйку, а детей – как большую радость или, наоборот, помеху, если помещения не хватает, то он делает глубочайшую ошибку.

Семья – нечто совершенно иное. Я помню замечательного священника на Западе (я был духовником всей семьи). Через очень короткое время после его приезда в Англию я обнаружил, что семья несчастная-разнесчастная. Я пригляделся и стал спрашивать и жену,

и священника. Обнаружилось, что он всю жизнь отдает пастве; семье никакого времени не остается. Жена брошена, дети оставлены, он возвращается в состоянии такого истощения, что у него не хватает никаких душевных сил что-то делать. Я ему сказал, что он совершает ошибку. Он возразил: «Нет! Бог нам велел всем жертвовать для Его служения; Аврааму было велено пожертвовать Исааком». Я ответил: «Да! Но, во-первых, Авраам пожертвовал Исааком только один раз, а не каждый божий день; а во-вторых, Бог подставил ягненка вместо Исаака. А ты приносишь каждый божий день и жену, и своих двух детей, как маленьких Исааков; и неудивительно, что они устали быть жертвами заклений». – «Что же мне делать?». – «Стань плохим священником; урежь ради семьи половину времени твоей священнической деятельности, пастырских посещений и т. д.». Он сказал: «Бог меня осудит!». – «Нет! Он меня осудит, потому что ты это сделаешь по послушанию, а я за это в ад пойду, и это не твое дело». В общем, кончилось тем, что он меня послушался. И через полгода его жена пришла и мне сказала: «Что вы сделали с отцом? Мы так счастливы дома!». Я спросил: «Ну а что: только счастливы?». «Нет, – говорит, – раньше В. бегал по всему городу, а теперь весь город к нам идет!».

И в этом все дело. Если семья священника является тем местом, которое сияет человеческими отношениями, обогащенными глубиной Божественного присутствия, люди пойдут, как мотыльки на свет. А если забыть, что у вас семья, и бегать, бегать, бегать, – то можно будет сказать и про вас, хотя, может быть, с меньшей долей правды, то, что митрополит Филарет Московский о себе раз сказал. Его упрекнули: Христос, мол, шестерней в коляске не ездил. Он ответил: «Да! Христос ходил пешком – и был окружен толпами, а я со своей шестерней не могу догнать своих прихожан».

– *Возможно ли спасение вне христианской религии?*

– Начну с конца. Один из больших духовников тридцатых годов, который умер в Париже, отец Александр Ельчанинов, говорил, что нет такой человеческой души, сколько бы ни блуждавшей на земле, которая, встретив лицом к лицу Христа, не падет к Его ногам и не скажет: «Тебя, Господи, я всю земную жизнь только и искала».

Если говорить об истине, о вере, о пути – нет другой Истины, которая была бы полной, нет другого Пути, нет другой Жизни, как Христос, и нет другой Двери, как Христос. Но все не так просто, как кажется. Потому что, когда мы говорим, что Христос есть Истина, оказывается, что Истина – это Некто, это Живое Лицо, а не система предложений. И в этом громадная разница. Есть много людей, которые не могут понять то, что мы говорим о Христе и о Боге; еще больше людей могли бы понять, но, глядя на нас, думают: «Если это – все, что их Бог может сделать из Своих друзей, то, простите, не стоит с Ним и дружить: и без Него люди бывают лучше».

Так что тут два элемента. Первый – что Священное Писание непонятно всем непосредственно, за ним есть очень сложное и богатое культурное прошлое: его выражения, слова, методика изъяснения вещей. Когда мы проповедуем, мы должны бы быть теми, кто на новом языке говорит вечные истины. К сожалению, как я раньше говорил по поводу проповеди, мы говорим на языке, который, в зависимости от степени, в какой нас хотят обругать, называют поповским, птичьим, семинарским, писарским, каким хотите, только не человеческим. Очень многие проповеди надо уметь слушать. Начинается русская фраза, а потом проповедник поехал какой-то цитатой на славянском языке, как будто он по-русски сказать не может. Ему кажется, что в этом есть какая-то красота, а слушатель не понял; кто виноват? Едва ли тот, кто слушал.

Так что на нас лежит очень тяжкая ответственность. А уж когда люди смотрят на то, как мы живем... Когда мы говорим: «Христиане не лгут, христиане трезвы, христиане чисты,

христиане то и се», – люди пожимают плечами и отвечают: «Может быть, христиане таковы, но в таком случае вы не христиане! А если вы христиане, то ваши слова – просто сказки для детей». Я помню безбожника, который прочел Евангелие и потом мне сказал (простите за выражение, я его слова повторю): «Ну и сволочи же вы, христиане! У вас такая книга, а что вы из нее сделали?!». После этого в какой мере можем мы сказать, что вся ответственность и вина за то, что люди не веруют или уходят в иные религии, избирают какие-нибудь философские или мистические учения, – на них? Встреть они Христа, они, может быть, пошли бы за Ним, как никто из нас не идет. Но к сожалению, они встретили меня, тебя, его или нас, а за нами идти – нет, спасибо!

Отдельный вопрос о нехристианских религиях: полноты в них нет. Но в них есть какое-то содержание, которое порой очень богато: вера в Бога, опытное знание молитвы и через молитву – опытное знание Бога, Которого они, может быть, и неверно истолковывают, но Которого они знают гораздо больше, чем нам порой кажется. Когда живешь, например, вместе с какой-нибудь группой тех, кого мы назвали бы язычниками, слушаешь их, иногда поражаешься. Помню, в Индии я провел шесть часов в языческом храме, и люди там действительно молились Живому Богу, глубоко и реально. То, что они между собой и Живым Богом ставили идола или какое-то представление, которое неистинно, не мешало им, несмотря на это, молиться Тому Богу, Который слышит, а не тому, которого они себе создали.

Мы тоже создаем кумиров в своем роде. Есть люди, которые себе создают кумира на низшем уровне из типикона, из уставного богослужения, из определенного типа пения, из определенного типа иконописи. Все это – правда, все это справедливо; но это не все. Есть место у святого Григория Богослова, где он говорит, что, если мы соберем все данные Священного Писания, все учение Церкви о Боге и из этого сделаем вполне законченную картину и скажем: «Вот наш Бог», – мы станем идолопоклонниками. Потому что все, что мы знаем о Боге, это отблески и приближения, а Бог всегда бесконечно глубже и больше, и всякая законченная картина – ложь, идол. Поэтому нам самим надо в этом отношении быть осторожными.

Христианство единственно и неповторимо не мировоззрением, не нравственным учением, не формой богослужения, а благодаря тому факту, что Живой Бог стал человеком и, что бы ни происходило на земле, мы живем на земле, которая Воплощением и даром Святого Духа неразлучно и навсегда соединена с Живым Богом. Люди могут об этом не знать, не чувствовать, до них эта весть не дошла или была принесена в такой форме, что они ее не могли понять или не могли ей поверить. Но факт остается фактом: мы живем на новой земле, куда уже пришел конец времен и завершение всей твари, куда Царство Божие пришло в силе. И в зависимости от того, как человек живет, он и станет перед Богом. Возьмите Послание апостола Павла к римлянам. Он говорит, что язычники творят правду, потому что закон написан у них в сердцах и они будут судиться по этому закону, как евреи будут судиться по данному им закону, как мы будем судиться по данной нам благодати. И неизвестно еще, кто станет перед Богом и окажется прав: тот ли, кто жил по правде до предела своих возможностей при малом знании, или тот, кто, обладая всем, чем можно обладать, живет небрежно и является соблазном.

– Что общего или отличительного между первозданным человеком и человеком искупленным?

– Я думаю, что коротко можно ответить так: разница между тем и другим та же, что между невинностью и святостью. Невинность – данность, чистота снежного поля, по которому никто еще не прошел, чистота первой страницы тетради, в которую ничто еще не впи-

сано. Святость – это искушенность, которая уже так созрела и окрепла, что не запятнается грехом, потому что знает, как его распознавать и отражать.

Кроме того, человек первозданный был создан, если так можно выразиться, как «возможность». Христос – осуществление этой возможности во всей полноте. И всякий человек во Христе приобщен этой осуществленности, реализации того, что было когда-то замыслом Божиим. Человек первозданный как бы зерно; человек искупленный и привитый ко Христу есть древо, приносящее плоды.

– *Каково взаимное влияние молитвы Иисусовой и Священного Писания?*

– Я стараюсь давать ответы короткие, и поэтому они все, конечно, страшно примитивны. Но можно сказать так: Священное Писание – это Бог, Который говорит к нам; молитва Иисусова – наше предстояние Богу. Когда мы поняли, кто мы, Кто – Он, нам остается только одно: раскрыться, открыть руки, открыть сердце, открыть ум и сказать: «Господи, помилуй!». И это «Господи, помилуй!» покрывает все наше положение по отношению к Богу.

На русском языке «милость», «милый» – одного корня. По-гречески слово, которое соответствует русскому «помилуй», того же корня, который дал «оливковое дерево», «оливковое масло». Об этом еще Отцы Церкви писали, хотя филологи воспринимают это с некоторой сдержанностью. Но пусть оно будет так: достаточно нам свидетельства Отцов. Вот вам еще несколько быстрых штрихов.

Первый раз речь об оливковом дереве идет в конце рассказа о потопе: Ной посылает из ковчега голубя, который приносит ему веточку оливкового дерева. Это значит: гнев Божий прекратился, прощение Божие дается свободно, даром, и впереди лежит все – время и пространство. Поэтому когда мы из глубины греха говорим: «Кирие, элейсон! Господи, помилуй!» – то мы взываем: «Господи! Да престанет Твой гнев! Господи, аще и согреших яко человек, прости мя, яко Бог щедр, видя немощь души моя... Господи, дай мне время!» – вспомните в службе повечерия молитву Манасии.

Дальше вторая картина: добрый самарянин возливает масло и вино, жгущее вино и исцеляющее масло. «Господи, пошли благодать Твою в помощь мне, исцели! Твой гнев престал, Твое прощение дано, все возможно – а я ничего не могу: душой, телом, всем я изнемог... Исцели, чтобы я мог идти обратно в Небесный Иерусалим».

Третья картина: помазание священников и царей в Израиле. Там, где стоит священник, там, где стоит царь, может стоять только Христос, Царь твари, Первосвященник всей твари. Он стоит на грани единой, благой, всесвятой воли Божией и многообразной, противоречивой воли человеческой, призванный их соединять. Чтобы там стоять, человек должен приобщиться Божественной благодати, иначе он неспособен, ему невозможно там стоять, не сгорев в Божественном пламени: «Передо мной весь путь. Господь вернул мне силу и жизнь, но мое христианское призвание выше человеческих возможностей. Я не могу стать сыном, дочерью Живого Бога; только Бог может это надо мной совершить».

И вот *Кирие, элейсон! Господи, помилуй!* – говорит о всей человеческой судьбе, о всем, что только может или должно с человеком случиться. Священное Писание – глас Божий, возбуждающий нас: *встань! Восстани, спяй, и осветит тя Господь* (Еф. 5: 14)... *Встань! Препояши чресла твои!.. Кого пошлю Я? – Вот, я перед Тобой, Господи* (Ис. 6: 8). А наш ответ – предстояние перед Богом: устойчивое, смиренное, строгое, трезвое, в ожидании того, что человеку спастись невозможно, но Богу все возможно.

– *Скажите о вашем пастырско-врачебном опыте гордости.*

– Мне не ясно, должен ли я говорить о своей собственной гордыне или о том, как я рассматриваю гордость с пастырско-врачебной точки зрения, но мне удобнее второе, поэтому я остановлюсь на нем.

Мы путаем гордость с надменностью, с самолюбием. Большею частью, когда люди приходят на исповедь и говорят: «Каюсь в гордыне», я отвечаю: «Не кайтесь. Вы слишком мелки; у вас просто мелкое самолюбие». Люди этого не любят, потому что гораздо приятнее думать, что в тебе есть гордыня, ты хоть делаешься чем-то большим, даже если черным, а не светлым. А быть просто мелким бесом никому не хочется.

Но дело в том, что гордость не является просто очень значительной долей самомнения, надменности, наглости, самоутверждения. Гордость – то состояние, когда человек воображает, что он самодовлеющ: мне Бог не нужен, мне человек не нужен, я – абсолютный центр... Это – окончательная, всеконечная замурованность, всеконечный плен в глубочайшем и разрушительном одиночестве. Вот что составляет самую природу гордости, гордыни: утверждение себя как центра и самодовлеющей единицы, которое и ближнего, и Бога делает лишними. Это грех сатаны; здесь приобщенность сатанинским энергиям. И это, конечно, даже в зачаточных моментах не может идти без соответствующих психологических изменений. Есть психиатрические изменения, есть чисто психологические, но все они центрируются на этом одиночестве, которое сначала есть отвержение другого, а потом начинает быть замурованностью в себе, до смерти включительно.

Французский писатель Сартр написал пьесу, в которой представляет группу людей, обреченных навек остаться замкнутыми, закрытыми в одной комнате друг с другом. Они постепенно обнаруживают, что «ад – это другие»: агрессия других, существование других, требование других, то, что никогда нельзя остаться одному, – все время кто-то, кто-то, кто-то. Потом они начинают приспособляться и другого исключать, до момента, когда вдруг никого вокруг них не остается. И тут они обнаруживают: ад – это я, когда никого не осталось, ни Бога, ни другого человека. Вот сущность духовной трагедии гордости и психологической разрушительности гордости.

– *Какие основания для вменения Адамова греха роду человеческому?*

– Я думаю, что слово «вменение» очень опасное, потому что ставит весь вопрос на юридическую плоскость: один согрешил – и все за него наказаны. В первородном грехе два элемента: один – личный грех Адама, его грех и ответственность, и другой – следствие этого греха, которое нам передается. Адам согрешил, потерял Бога, стал смертным, потерял рай. Все рожденные от него рождаются смертными и вне рая (рай, понятий, разумеется, не как сад, а как внутреннее состояние, где Бог и человек в простом, непосредственном, полном взаимном общении и проникновении). Одновременно со смертностью, с этим состоянием оторванности от Бога в человека внедряется и греховность. Мы рождаемся от Адама греховными, вернее, с поползновением ко греху, так же как от родителей-алкоголиков рождаются дети уже с предрасположенностью к алкоголизму, если только их не уберегут вовремя и на очень долгие годы. И в этом смысле лучше бы не говорить о «вменении» греха, потому что это сразу вызывает мысль о каком-то юридическом решении Бога: Адам, Ева согрешили – до третьего, или сотого, или миллионного поколения Я буду мстить... Лучше думать, как грех передается, как мы делаемся общниками, участниками греха просто потому, что мы – одной природы с ними и никаким образом не можем оторваться от нашего наследственного единства с ними.

Но это наше наследственное единство мы почти всегда вспоминаем в порядке греха. И забываем, что от наших прародителей мы получили не только наследие греха, но и тоску по Богу, жажду вечной жизни, какое-то знание и глубокое воспоминание о потерянном граде

Китеже, и что родословная наша, упирающаяся в Адама и Еву, не является только родословной горю и несчастья, но тоже родословием богопознания и близости к Богу.

– *Почему Пастырь допускает гибель овец: Анании и Сапфиры?*

– Я думаю, что коротко и вразумительно на это ответить почти невозможно. Ответ, который я могу дать, поднимает гораздо больший вопрос: вопрос любви и свободы.

Вопрос падения и стояния – это вопрос любви, а вопрос любви – это вопрос свободы. Если бы мы не могли отпасть от Бога, отречься от Него, забыть свое собственное человеческое достоинство и т. д., если бы это было нам просто природно невозможно, если бы мы были способны только любить Бога и друг друга, то это нельзя было бы назвать любовью. Это было бы центростремительной силой, силой притяжения, это было бы просто механическим взаимоотношением. Любовь требует возможности прозрения, выбора, отдачи себя, принятия другого, жертвы; любовь трудна. Любовь в конечном итоге означает забыть себя совершенно и помнить только любимого: Бога и человека в Боге. В этом отношении свобода неизбежно в себе содержит и всю нашу славу, потому что возлюбить – это самое прекрасное, что человек может сделать; содержит также всю трагедию человеческой жизни, личной и общественной, родовой, потому что можно ошибиться и отречься от своего пути.

Хочу дополнительно заметить еще одно: когда мы говорим о свободе, мы всегда думаем о ней как о выборе между различными возможностями, который мы можем делать беспрепятственно. Но это уже – выбор падшего человека. Стоять между светом и тьмой и не знать, которое из двух выбрать; между жизнью и смертью, между Богом и сатаной и колебаться – уже говорит о том, что я ранен грехом и неспособен на прямое решение. В паремии из Исаяи, которая читается на Рождество, говорится, что родится Младенец, Который еще прежде того, как сумеет различить между добром и злом, выберет добро, потому что в Нем нет греха. Он чист, и потому Он безошибочно выберет жизнь, свет, Бога.

Мы думаем о свободе в порядке выбора. Слово «свобода» трудное, этимологически очень спорное слово, но одно из возможных его филологических истолкований это «быть самим собой». Это толкование дает, например, Хомяков в своих сочинениях, на основании источников, которые он приводит. *Быть самим собой* – самое страшное, что может быть, и единственное, что стоит делать и чем стоит быть.

Второе значение слова «свобода» (я не собираюсь вас прогонять по всему словарю, укажу одно): германские языки употребляют слова Freiheit по-немецки, freedom по-английски для обозначения понятия, которое сейчас толкуется как «общественные права», «политические права». Но эти слова родственны санскритскому корню, который в своей глагольной форме значит «любить» и «быть любимым», а в других формах значит «мой любимый», «мой дорогой», «возлюбленный». В седой древности восприятие слова «свобода» было в порядке любви: свободен тот, кто от себя высвободился настолько, что может любить и принимать любовь без остатка. Тут свобода и любовь соединяются. Но они соединяются в конце долгого, подвижнического пути, когда человек изживает в себе злую свободу самохотного выбора для того, чтобы избрать свободу того, кто хочет быть самим собой, и этого завершеного себя подарить другому в акте совершенной любви: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15: 13).

– *«Врачу, исцелися сам»* – в аскетике часто говорится: *не дерзай учить других, если еще не научился сам.*

– Это правда в идеале; и конечно, если это относится непосредственно к моему сегодняшнему докладу, это еще более правда, чем вообще; но тогда надо выбрать радикаль-

ный аскетический путь, а не половинчатые пути. Если вы хотите уйти в пустыню, в затвор, закрыться в монастыре и не заниматься ничем иным, кроме очищения сердца, очищения ума, очищения плоти, выправления воли, погружения в Бога, искания чистой молитвы, – да. Но если вы хотите оставаться в общении с людьми, давать и получать (а получать – мы все получаем, где бы мы ни находились, если только не ушли просто в пустыню, как в древности уходили), тогда мы на себя должны взять ответственность и порой говорить, может быть, себе в суд или в осуждение. Я отлично понимаю, что, когда проповедую или читаю лекции и говорю то, что является Божией правдой, которой сам не касаюсь и пальцем, я говорю себе в суд и в осуждение. В какой-то день я встану перед Богом, и мои слова встанут против меня: ты говорил – и не творил... Но с другой стороны, я неспособен (я говорю в первом лице, потому что так проще) видеть человека в нужде и не сказать хоть то малое, что я уже знаю. С поправкой: «Конечно, я с примесью тебе говорю, конечно, я не говорю чистую, золотую правду; но вот попробуй из этих слов хоть какую-нибудь пользу получить». Если бы люди должны были ждать, чтобы все вы, здесь учащиеся, сначала стали святыми, а потом сказали свою первую проповедь в церкви, то можно было бы – простите! – ждать долго! И людям некогда ждать.

Знаете, что утешительно? Святой Иоанн Лествичник где-то говорит, что есть два рода людей. Одни знают истину и ее провозглашают, но иногда не полностью творят; другие ее творят по их слову. И он прибавляет: единственная надежда тех, кто говорил, в том, что на Страшном суде, те, кто творил, станут перед Богом в их защиту и скажут: «Если бы он не сказал, я бы не знал и не сотворил».

И если подумать о житиях святых: у всех святых, кого мы только знаем, были, вероятно, приходские батюшки, которые святыми не сделались. Приходской священник курской церкви, где молился Прохор, будущий Серафим Саровский, в Святцы не вошел. Но он проповедовал слово Божие, и тот воспринял больше, чем проповедник мог дать, – у него слух оказался острее, душа отзывчивее, сила больше. И я думаю, что, когда оба они стоят перед Богом, святой Серафим, вероятно, с любовью смотрит на убогого батюшку, который делал, что только мог, – не блестяще, а сколько умел, и думает: он мне дал Христа; крещением, миропомазанием, причащением, чтением Евангелия и, может быть, убогой проповедью он меня сделал живым членом тела Христова... Поэтому, думаю, приходится, неминуемо приходится и проповедовать, и лекции читать, и говорить, зная, что говоришь, может быть, себе в суд и в осуждение, но пусть кому-нибудь это все-таки будет во спасение.

Или тогда иди на аскетический путь полностью, без пощады, без компромисса – не в каком-то относительном общении и без ответственности, а просто: без общения и без полной взаимной круговой поруки.

Пастырство⁴

Я не богослов, и поэтому буду говорить с вами просто как священник, который последние тридцать с небольшим лет был сначала на приходе, затем расширил эту приходскую жизнь до того, что она теперь стала епархиальной. И первое, что мне хочется сказать: Церковь строится не администрацией, не организованностью, а пастырским трудом. Христос пришел как Пастырь Своих овец, Он пришел с состраданием, крестной любовью спас людей. Для Него каждая душа была бесконечно дорога, и за каждую душу Он был готов отдать всю Свою жизнь и всю Свою смерть. Если мы говорим о пастырстве, то должны говорить именно в том порядке, в котором думаем о Пастыреначальнике Христе.

Это основное положение, к которому я прибавлю еще два-три вступительных замечания.

Детство я провел на границе великой азиатской равнины, и мне вспоминается, как образ, картинно и ярко, то, что я видел: бесконечную пустыню, равнину, бездонное небо над ней – и посреди этой равнины, между небом и землей, малюсенькую группу живых существ: пастуха и несколько животных. И меня поразило (конечно, не тогда, когда я был ребенком, а когда впоследствии задумался над этим), что перед лицом этой бесконечности пространства, перед лицом опасности жизни – от диких зверей, от мороза, от голода, от нападения кочевников – и овцы, и пастырь равно бессильны, равно хрупки. Какая же разница между овцами и пастухом? Только та, что пастух обладает любящим, заботливым сердцем и способен на такую глубину сострадания и заботливости, что он все свои силы, весь ум, весь личный опыт, весь родовой опыт посвящает тому, чтобы свое стадо оградить от зла и сохранить.

И мне кажется, мы должны всегда помнить очень ярко, что мы такие же хрупкие перед лицом соблазна, перед лицом прелести, перед лицом всех земных и духовных опасностей, как и наши пасомые; но у нас сердце должно быть полное любви, причем любви крестной, той любви, о которой Христос говорит: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15: 13). А «положить душу», то есть жизнь, необязательно значит «умереть», это значит изо дня в день, из часа в час всю жизнь прожить так, что «я» для меня никакого значения не имеет; единственное, что имеет значение для меня, это каждый отдельный пасомый и совокупность моих, вернее, Христовых, овец.

Мне кажется это чрезвычайно важным в нашем подходе, потому что очень легко молодому человеку, ставшему священником, почувствовать, что он теперь вышел из ряда вон, что он какой-то особенный, какой-то значительный, что он имеет право властвовать, что он руководит другими. Это неправда. Редко кто к моменту своего рукоположения вырос до такой духовной меры, что может быть руководителем от земли на небо, редко кто вскоре после рукоположения может надеяться, что будет говорить Духом Святым, премудростью Божией, а не своей жалкой человеческой опытностью.

Но перед лицом такого подхода нам надо помнить две вещи, которые говорит апостол Павел. Вспомните, как он молился, чтобы Господь ему дал силу, и Христос ответил: *Довольно тебе благодати Моей, сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12: 9). Что это значит? Конечно, немощь, о которой здесь идет речь, это не слабость нашего характера, не лень, не безответственность, не все эти свойства, которые в каждом из нас в той или иной мере есть и которые, конечно, разрушают дело Божие. Это другая немощь. Я вам ее определить не могу, но хотел бы довести до вашего сознания несколькими образами.

Когда мать хочет научить ребенка писать, она вкладывает в руку своего мальчика или своей девочки карандаш, берет эту руку в свою руку и начинает водить карандашом. Ребе-

---

⁴ Доклад в Московской духовной академии 11 февраля 1982 г.

нок смотрит и видит с изумлением, что с каждым движением материнской руки получается или прямая, или округленная линия. И пока он отдается материнской руке, дает этой руке водить своей рукой, его движения совершенны. Но в какой-то момент ребенок думает, что понял, и начинает «помогать»; и тогда карандаш идет вкривь и вкось. Потому что ребенок думает: раз движение началось вверх, оно должно дойти до верхушки страницы, или раз оно загнулось, оно должно загнуться до конца, – и получается что-то уродливое. То же самое делаем мы, когда, начав под руководством Божиим идти куда-то, лепетать какие-то слова истины, думаем, что все теперь поняли, и хотим говорить своими словами. Один из пророков говорит, что пророк – тот, с кем Бог делится своими мыслями; а для этого нужно уметь вступить в то глубинное созерцательное молчание, в недрах которого, на глубине которого можно услышать тихий голос Божий.

Второй пример, который мне хочется дать, взят из моей бывшей профессии врача. Хирург, чтобы оперировать, надевает на руку тончайшую перчатку; и, потому что она такая тонкая, потому что она такая хрупкая, она дает ему возможность действительно творить как бы земные чудеса своей рукой. Надень врач вместо этой тонкой, хрупкой перчатки, которую может разорвать ноготь, крепкую рукавицу – он ничего не сможет сделать. Таковы должны мы быть; мы должны быть настолько гибки, настолько тонки, чтобы мудрая рука Божия могла руководить каждым движением.

И третий образ – образ паруса. Парус – самая хрупкая часть корабля; вместе с тем именно потому, что он такой хрупкий и гибкий, парус, направленный мудростью капитана, может заполниться ветром и понести корабль, всю его тяжесть, негнущуюся структуру, к цели. И если вспомнить, что слово «ветер» на древних языках одно и то же, что слово «дух», то можно провести параллель еще дальше.

Нам нужно достичь такой прозрачности (*Блаженны чистые сердцем, они Бога узрят*), такой гибкости, чтобы Бог свободно мог в нас действовать; а для этого нам надо забыть все наши нелепые представления о нашем величии: сан наш велик, а мы ничтожны. Совершая богослужение, мы стоим по благодати и милости Божией на таком месте, на котором никто, кроме Самого Пастыреначальника Христа, не имеет права стоять; и мы должны стоять, как будто под нами почва горит, нам нельзя там стоять; мы – икона; но, Боже! – икона чиста, а мы грешники.

В первый год моего рукоположения, когда я был назначен в Лондон, я служил в небольшом храме православно-англиканского братства. Как-то перед службой я столкнулся в дверях с одной нашей русской старушкой. Я хотел ее пропустить – она меня толкнула в спину, говорит: «Проходите, батюшка!». Я прошел, думал, что этим дело кончилось. Но этим не кончилось, она меня ждала у выхода. «Батюшка, – говорит, – вы, может быть, воображаете, что я вас пропустила, потому что я вас лично уважаю? В этом вы ошибаетесь; я вас еще не знаю, и у меня нет никакого основания вас уважать. Но я вас пропустила, потому что у вас на груди наперсный крест. А если вы этого не можете понять, я вам изъясню». И она мне изъяснила: «Вы помните вход Господень в Иерусалим. Христос въезжал на ослице, перед Ним люди расстилали одежду, клали ветви пальмовые. Как вы думаете, может быть, ослица шла и думала: какая я важная! Мне в голову не приходило, что я такая важная, чтобы люди мне свою одежду под ноги клали!.. А люди-то клали одежду не под ноги ослице, а почитая Христа. Так вот, вы попробуйте научиться и быть Христовой ослицей».

И я думаю, что каждый из нас мог бы с какой-то пользой думать о себе как о Христовой ослице. Нам дано нести святыню, которая нас настолько превосходит, настолько несоизмерима с тем, что мы собой представляем, что мы должны были бы жить с трепетом от сознания, что да, мы – глиняные сосуды, а в нас – святыня, которая не вмещается ни на небе, ни на земле: Сам Живой Бог.

Мне вспоминается также рассказ из восточной мудрости (я его передал однажды ново-поставленному архиерею, не в церкви, а в частном разговоре). Жили два бедуина беднейшим образом в палатке. Умер шейх этого племени, и один из бедуинов был избран на его место. Он поселился в большом шатре, на земле был постлан ковер, под пологом по кругу были разноцветные вышитые подушки, а в середине шатра – золоченый стул, который когда-то был украден у европейцев; бедуин воссел на этот стул и почувствовал себя шейхом. И настолько он почувствовал себя шейхом, таким великим себя почувствовал, что вовсе забыл о своем друге. Через несколько недель он вдруг вспомнил о нем и велел ему прийти: именно «велел», не то что попросил, как друга и брата. А друг его пришел, вошел в шатер и вместо того, чтобы идти прямо к нему на поклонение, начал рыскать во всех углах, поднимать подушки, смотреть вправо и влево. Наконец его бывший друг ему говорит: «Слушай, ты разве не видишь меня?». Тот остановился, говорит ему: «Вот ты где! Я был так ослеплен красотой твоего стула, что тебя не заметил!». Я думаю, что и архиерею, и священнику не вредно думать, что он ослица Христова или что он сидит на троне, который ему не принадлежит. Если он воображает, что он удостоился этой меры, люди имеют право не заметить его существования, и он перешел в ничтожество.

Такое вступление может вам показаться очень длинным и поверхностным, но, если вы подумаете о себе – те из вас, которые рукоположены, и те из вас, которые еще ждут рукоположения, – вы, может, когда-нибудь заметите, что, как говорится, «сказка вздор, да в ней намек, добру молодцу урок».

Теперь дальше. Наше священство передается – от Христа апостолам, от апостолов епископам, от епископов священникам; и в конечном итоге в своей сущности оно есть священство Христа. Единственный Тайносовершитель и Единственный Первосвященник мироздания – Господь наш Иисус Христос, и мы действуем как бы в Его имя. Это меня очень поражает в начале Божественной литургии. Перед тем как на диаконское *Владыко, благослови!* священник произнесет первый возглас, диакон ему говорит слова, которые в нашем служебнике читаются: *Время сотворити Господеви, владыко, благослови!* В греческом тексте ударение немного иное, и они должны бы читаться так: «Теперь настало время Богу действовать!». Ты сделал все, что тебе по человечеству возможно, ты молился, готовился к богослужению, ты вспахал свою душу, собрался, каялся, может быть, получил разрешительную молитву о твоих грехах, ты облачился в священную одежду, которая из тебя делает икону, образ (ведь у каждой части облачения символическое значение); ты приготовил хлеб и вино в проскомидии. Сердцевина же Божественной литургии заключается в том, чтобы этот хлеб и это вино стали Кровью и Телом Христовыми, и никакая человеческая власть, или сила, или изощрение этого совершить не могут. Мы можем молиться, мы можем проповедовать, мы можем читать Евангелие вслух, мы можем совершать священнодействие, но мы не можем совершить это чудо. У нас нет власти над Телом и Кровью Христовыми, только Господь Бог это может совершить. Это совершенно ясно из того, что учредительные слова: *Сие есть Тело Мое... сия есть Кровь Моя...* – не являются в глазах православного богословия тайносовершительными. После этих слов мы молимся Господу, чтобы Дух Святой сошел и совершил то, чего человек совершить не может. И это мы должны помнить. Мы должны стоять с предельным благоговением, со священным ужасом, сознавая: я, грешный, недостойный стоять на этом месте, где только Спаситель Христос может по праву стоять, – стою, произношу слова, которые Сам Христос произнес, призываю Святого Духа, зная, достоверно, несомненно зная, что в ответ на молитву Церкви и на мой *крик* Дух Святой сойдет и совершит чудо...

И дальше мы должны помнить, что можем совершать тайны Христовы, в частности Божественную литургию, постольку, поскольку мы соединяемся со Христом во всем Его

пути. Вы, наверное, помните, как апостолы Иаков и Иоанн подошли к Спасителю, прося Его дать им сесть по правую и левую сторону от Него в Царстве Небесном. И Христос им дал обещание: не угрозу, а призыв; Он им сказал: «А готовы ли вы, можете ли вы пить чашу, которую Я буду пить, креститься тем крещением, которым Я буду креститься?» (Слово «креститься» на нашем теперешнем языке приобрело церковно-литургическое значение, таинственное значение, но в славянских рукописях «креститься» значило «погрузиться с головой»; говорили «крестися корабль» в смысле «потонул корабль».) «Готовы ли вы уйти всецело в глубину того ужаса Гефсимании и Голгофы и сошествия во ад, на которые Я сейчас иду?...». И для того, чтобы быть священником, надо быть в состоянии хоть желанием, готовностью, если не самим делом – потому что делом мы должны возрастать через всю жизнь и, конечно, в такую меру достигают только величайшие святые, – надо быть в состоянии сказать: да, Господи, готов!.. В священство не тогда надо идти, когда хочется совершать Литургию, требы и заботиться о людях, а когда можешь сказать: да, Господи, я готов на крест, в глубины ужаса гефсиманского, в глубины ужаса голгофского, вплоть до слов: *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?*

Когда меня спрашивают молодые люди, готов ли я их рукоположить, я им ставлю ряд условий. Первый вопрос я им ставлю: слышали ли вы Христа, ставящего вам именно этот вопрос? Второе: дали ли вы себе время продумать свой ответ – или вы сказали «Да!», не понимая, на что идете? Если они отвечают утвердительно, я им тогда говорю: хорошо; теперь возрастайте, молитесь, соединяйтесь со Христом, чтобы когда-нибудь, когда в момент рукоположения вы будете проходить эту таинственную грань Царских врат, вы вошли бы в алтарь и стали перед престолом Божиим, который одновременно является жертвенником... И мне большей частью отвечают: как мне кажется, я готов, но я не уверен в себе... И тогда я говорю: да, ты прав; живи, готовься, и придет момент, когда окружающие тебя верующие увидят на тебе печать священства, и тогда они будут просить о твоём рукоположении. Я до сих пор рукоположил не многих священников, потому что у нас нет нужды в большем числе⁵, но я никогда не рукополагал никого, о ком какие-то люди в приходе, какая-то группа людей не сказала бы: «Владыко, благослови его стать священником; к нему мы могли бы пойти на исповедь; от него – мы чувствуем – мы можем получить Божие благословение, на его молитву мы можем опираться и на его заступничество перед Богом мы можем надеяться».

Следующая стадия – наш священнический совет, который обсуждает вопрос этого рукоположения; и, наконец, мое решение. Но в основе лежит именно вопрос, который ставит Христос: «Можешь ли ты пить чашу, будешь ли ты ее пить до конца, до дна? Согласен ли ты погрузиться в тот ужас крестной любви и в то дивное чудо крестной любви, которыми Я крещаясь?».

Дальше: чтобы все это могло осуществиться, священник должен стать человеком молитвы. Я не говорю, что он должен привыкнуть дисциплинированно вычитывать молитвы, – это всякий может сделать. Но молиться надо глубинно, молиться надо всем сердцем, всем умом, всеми силами жизни, которые в тебе есть, а это не так легко. И первое, что я бы сказал об этом молитвенном пути: молиться надо о победе Божией над тобой, над собой, над каждым из нас. Мой духовный отец мне как-то сказал: «Молись не в свое имя, а во имя Божие, ради победы Божией». Мы начинаем молитву словами: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа* – в Его имя, ради Него, ради Его победы. И тогда рассеянны ли мы, устали ли мы, что бы с нами ни происходило, молитвенные слова, молитвенные правила могут стать как бы жерновами, которые будут нас молоть и молоть, пока мы не станем доброй мукой и когда-нибудь – добрым хлебом Христовым. Это значит, что молитва – подвиг, молитва –

---

⁵ На 2002 г. в Сурожской епархии, кроме митрополита Антония, было два викарных епископа, двадцать священников и десять диаконов.

труд; и важно не то, что мы можем пережить радостного, светлого, просвещающего. Это все – дар Божий, как бы подарок нам от Бога; а важен наш собственный сермяжный, строгий, суровый труд молитвы о том, чтобы наше каменное сердце расколослось, чтобы наш ум проникся словами, мыслями, чувствами, которые вложены в эти молитвы. Мы должны помнить, что молитвы, которые мы читаем – будь то утреннее или вечернее правило, будь то другие, – не были надуманы, не были составлены где-то в кабинете досужим монахом. Они с кровью вылились из души подвижников в момент радости, в момент ужаса, в момент покаяния, и мы должны войти в этот дух, чтобы эти молитвы стали нашими молитвами.

Об этом пространно говорит Феофан Затворник: между моментами, когда мы молимся этими словами, мы должны продумать, прочувствовать размышлением эти молитвенные слова с тем, чтобы они настолько стали нашими, чтобы нам уже не нужно было ссылаться на печатный текст, чтобы мы сами были той книгой, из которой рвется к Богу эта молитва. Сейчас у меня нет времени говорить, как этого достигать, но этого надо достигать. Просто совершать молитвословие, как бы откупиться перед Богом, вычитав то или другое, – недостаточно, это священника не совершает. Священник должен быть таков, что в нем горит молитва, в нем живет молитва, и в эту молитву он может включить и благодарение Богу, и хвалу, и покаянный свой крик, и свое печалование, как говорили в древности, свою молитву предстательства обо всех тех, кого Бог ему дал. Только тогда наша молитва действительно достойна нашего священнического звания и нашего призвания: быть на земле как бы отражением Христовой жизни, Христова сострадания, Христовой любви путем Креста и Воскресения. Потому что отдать свою жизнь без остатка можно, только если мы вкусили в какой-то мере опыт вечной жизни; пока у нас нет ни в какой мере опыта вечной жизни, мы непременно будем отчаянно держаться за эту земную жизнь, потому что это все, что у нас есть. Но в тот момент, когда мы осознаем, что в нас живет Бог, действует Бог, что вечная жизнь излилась в нас, что мы живем не тем, что наше тело живо, а тем, что наша душа, наше «я» живо, – тогда мы можем отдать все, вплоть до самой земной жизни.

Другое, что составляет очень важную часть священнической жизни, как я только что упомянул, это предстояние перед Богом за своих пасомых. Но опять-таки можно предстоять за пасомых как бы издали, стоять на расстоянии и говорить: «Господи, вот человек, который во грехе, в страдании, в болезни, в колебании, в сомнении, – помоги ему...». Этого недостаточно. Нам надо так человека воспринять в душу, чтобы стать как бы желобом, по которому его молитва может подниматься к Богу, и порой это может быть очень трудным делом.

Когда я стал священником в Лондоне, у меня был прихожанин, к которому у меня было самое глубокое отвращение как к личности, как к человеку. И я очень быстро осознал, что не могу совершать Божественную литургию, если я неспособен его как бы включить в себя, ему дать место в своем сердце, так, чтобы каждое слово моей молитвы было словом о нем, ради него, вместе с ним произнесенное. Помню (и я каюсь, это мой грех, моя недостаточность): я приходил в храм за два или за три часа до службы, становился пред Вратами и молился о том, чтобы Господь открыл мое сердце и я мог бы сказать: да, Господи, я его принимаю в сердце, и теперь вся моя молитва будет его молитвой... И – да, я грешен – иногда мне приходилось два часа, три часа молиться, потому что у меня не хватало духовной чистоты и силы это сделать. Но постепенно, благодаря этой борьбе Господь открыл мое сердце, и я свободно этого человека как бы впускал в него, включал в себя, и тогда мог служить Литургию. Вы, может быть, этого не понимаете, потому что у вас сердце не такое узкое, не такое каменное, как у меня; это исповедь греха с моей стороны; но не спешите сказать, что этого не может случиться сегодня, завтра с вами; это может случиться – не с такой грубостью, как это было со мной, а как бы: «Ну да, я его принимаю, но так, слегка».

Я хочу вам дать пример такого глубинного принятия человека. Пример этот не из христианского мира, а из книги еврейского богослова Мартина Бубера, которую он составил из рассказов о секте хасидов. Речь идет о молодом раввине Зусе, ученике одного из больших наставников своего времени. Он сознавал греховность, которая в нем самом характеризовала и охватывала и людей вокруг, и обратился к своему наставнику с просьбой умолить Бога дать ему зрение человеческих грехов; и Господь ему это даровал. И случилось, что пришел купец просить наставления и помощи у его собственного наставника, и молодой Зуся его вдруг увидел во всем его грехе и, исполненный негодования, прогнал: «Как ты смеешь, весь погруженный в грех, прийти к такому святому человеку, как мой наставник?». Тот ушел. Наставник позвал Зуся и спросил: «А не приходил ли сегодня купец ко мне?». – «Да». – «И ты его прогнал?». – «Да». – «Так знай, что это была его последняя надежда». Молодого раввина охватил такой ужас, что он стал просить своего наставника: «Умоли Бога, чтобы Он у меня отнял этот дар!». А наставник ответил: «Нет; дары Божии неотъемлемы. Но я попрошу Бога дать тебе другой дар: чтобы при виде чужого греха ты его воспринимал как свой собственный, потому что и ты, и твой ближний – одно». И это опять-таки совершилось.

Как-то Зуся в своих странствованиях пришел в какую-то харчевню и спросил, есть ли место помолиться. Содержатель харчевни удивился, что человек приходит и о молитве спрашивает. Он дал ему уголок, а сам с любопытством стал за дверью слушать, как же этот человек молится, раньше чем отдохнет, раньше чем поест. И вдруг он слышит, как молодой раввин начинает исповедоваться Богу вслух, исповедуя всю жизнь его, харчевника. Того объял неопиcуемый ужас, потому что это было не описание чужой жизни: раввин исповедовал все его грехи как свои собственные. И этот человек переломился, заплакал, раскаялся и переменял жизнь. И когда впоследствии Зуся спрашивали, как он может перевернуть душу другого человека, он говорил: «Когда ко мне приходит человек, я вижу его греховность, и воспринимаю ее как свою собственную, и погружаюсь до самого дна этой греховности, и начинаю каяться; и так как я стал единым с этим человеком, то и этот человек начинает каяться, и мы оба меняемся».

Пусть это рассказ о хасидах, но разве это не пример для нас? Когда мы стоим и исповедуем человека, разве мы не могли бы перевернуть его душу, если бы были в состоянии его слушать и плакать над ним, как Христос над Лазарем, плакать своими слезами о том, что мой брат умер; плакать слезами своего покаяния о его грехе, потому что это мой грех: ибо в любви, в тайне Церкви – тела Христова мы едины.

Я хочу еще сказать нечто о проповеди в том же направлении мысли. Самое жуткое, что можно себе представить в отношении проповеди, – это священника или архиерея, молодого или старого, который выходит поучать народ и говорит: «Вы... вы... вы...», – как бы предполагая, что это, конечно, к нему не относится: вы грешны, вы совершаете то, вы не так живете... Первое, что я бы сказал: надо перед народом провозглашать Божию истину, Божию правду, дивную и спасительную красоту Царства Божия, и делать это не надуманно, а из своей души. Один из Отцов Церкви сказал: если слово евангельское ударит в твою душу, оно ударит и в другое сердце (это не его слова, но в этом его мысль). И мне кажется, что, когда мы проповедуем, мы должны прочесть евангельский отрывок, воспринять его и поделиться с людьми тем, что этот отрывок совершил надо мной. Не говорить о том, что «с вами» должно случиться, а сказать: «Вот что говорит Евангелие, – и это Христос мне говорит». И если бы мы так проповедовали, если, когда произносим проповедь, мы стояли бы перед судом Христа, если бы мы стояли в изумлении перед красотой того, что нам раскрылось в евангельском чтении, и честно открывали это перед людьми, они могли бы на это отозваться. А когда мы строим проповедь так: «Ну да, я-то воспринимаю многое, но вы, конечно, этого воспринять не можете, и я вам это представляю в меру вашего понимания», – мы грешим против человека, против каждого присутствующего. В этой толпе может быть человек, бес-

конечно превосходящий нас духовно, который наши слова примет, как добрая земля принимает семя. Мы, может быть, придорожная почва, в нас, может быть, тернии проросли, а этот человек, возможно, все примет и принесет плод сторицей; но только при условии добротной, честной, правдивой проповеди.

Мне хотелось бы сказать еще многое о пастырстве, но я уже долго держал ваше внимание...

– Каково ваше отношение к целибату? Имеет ли это перспективы и надобность в настоящее время в Русском православии?

– Если целибат является только способом отделаться от той ответственности, которую налагает семья, дети и вкрапленность в общественную жизнь, целибат не оправдывается. Если он является формой посвящения себя без остатка Богу и служению людям, он оправдан. Это мой ответ. Этим я хочу сказать, что целибат должен быть формой всецелой богопосвященности.

Можно ставить тогда вопрос, почему не принимать монашества. На это я могу дать разные ответы. Мне кажется, что порой человек может желать всю свою жизнь посвятить делу Христову, но в нем нет того внутреннего строя, который определяет монаха; и принимать монашество как бы в виде прикрытия к целибату мне кажется неверным. С другой стороны, я на опыте знаю, как дивно быть монахом в тайном постриге. Я принял монашество в 1939 году за неделю до ухода на войну и перестал быть тайным монахом, когда был рукоположен в священники, потому что не было никакого смысла скрывать монашество, надев рясу. Но эти годы тайного монашества, потаенной жизни, которая вся была между Богом и мной, без того чтобы кто-нибудь мог ожидать от меня чего-то внешнего, были действительно замечательны.

Риск целибата тот, что многие люди этого пути не понимают, и очень молодой целибатный священник как бы открыт нападениям и давлению извне, которые труднее отразить, чем когда человек заявил о себе как о постриженнике. В монашество он себя не определил, то есть это как бы не его путь; но что в двадцать лет он знает о том, что с ним будет внутренне? Он может полюбить кого-нибудь... Я видел такое. Владыка Антоний Храповицкий, бывший Киевский, который был за границей, постригал очень легко, он постригал семнадцати-восемнадцатилетних мальчиков, и вокруг него целый ряд катастроф был, просто самоубийств. Потому что он был очень настроен против брака, он их убеждал с большой силой, что единственный путь чистоты – это монашество, что брак, в общем, скотство; и они шли, а потом видели, что не созданы для этого.

Имеет ли это будущее или нет – мне очень трудно сказать, если вы спрашиваете относительно Церкви в России; для этого надо жить здесь, а я бываю здесь только наездами. Но в моей епархии я старался иметь на приходах женатых священников, которые имели бы опыт семейной жизни, которые прошли через ее богатство и сложность и которые могли бы без единого слова, без всякого как бы интеллектуального доказательства явить приходу, что Бог может сделать из семьи, как Бог может сделать семью как бы клеточкой Царства Божия.

Есть изречение в древней рукописи Евангелия, которая хранится в Англии, в Кембридже; оно гласит следующее. Спросили Христа: когда же придет Царство Божие? И Он ответил: «Царство Божие уже пришло, когда двое – уже не двое, а одно...». Вот если муж и жена могут подвижнически, то есть путем внутренней борьбы, возрастания, просветления, осуществить условия Царства Божия, пришедшего в силе, то они доказывают собой окружающему миру больше, мне кажется, чем целибатный священник, который является вопросительным знаком.

В этом смысле мне кажется, что женатое священство имеет огромное значение как доказательство того, что Церковь в широком масштабе не всегда может явить обществу или группе людей. Потому что если взять приход, конечно, для внешнего мира там не видно того, что можно видеть в семье, в этом единстве любви и радости, которая рождается и живет в этой среде.

– Чем вы объясняете появление и распространение в наш век парапсихологии даже в среде верующих? Может ли пастырь Церкви использовать людей, обладающих чувствительными свойствами, в целях проповеди слова Божия?

– Парапсихология и различные дарования такого рода – природные дарования, они по себе и не запятнаны злом, и не освящены святостью. Они так же естественны, хотя более редки, как дар слова, ум, музыкальность или способность писать иконы. По существу, они ничего не представляют ни положительного, ни отрицательного; но пользоваться ими надо не только с рассудительностью, но с внутренним зрением, с даром различения духов, потому что у одних это от добра, у других просто естественное и, значит, нейтральное, а у других это от злой силы.

Опять-таки раз я каюсь перед вами в различных своих грехах, то расскажу вот что. Когда я был студентом-медиком на первом курсе, у меня начали проявляться способности читать мысли людей на расстоянии, передавать им на расстоянии свои мысли; и я задумался над этим. Я тогда был в летнем детском лагере; помню, ходил по лужайке, вдруг остановился и сказал: «Господи, если этот дар от Тебя, пусть он со мной останется, если он от злой силы или просто естественный и может меня повлечь в гордыню и в разрушение, – сними!». И он был снят мгновенно, я никогда больше в такой форме этого не переживал.

Это меня заставило быть вдумчивым и осторожным в этом отношении, потому что в духовном ли руководстве, в проповеди или просто в общении с людьми мы ищем, чтобы Господь через нас совершил какое-то дело, сказал слово, совершил действие во спасение. Но основывать действие или слово во спасение на естественной почве нельзя; мы ищем другого. Наша борьба не с плотью и кровью, а с силами тьмы поднебесной; и никакие естественные дарования не защищены от проникновения и воздействия подобной силы. Поэтому я бы сказал: лучше не надо этим пользоваться, если у вас нет основания думать с уверенностью, что это не естественное дарование в человеке, а плод святой жизни. Я не говорю о святом Серафиме Саровском, о тех людях, которые были боговидцы и говорили словом Духа Святого, а о той смежной почве, где – да, можно прислушаться, но с осторожностью: не боязливо, но трезво, молитвенно и осторожно к этому относиться.

– Как у вас исповедуют и исповедуются?

– Я научил своих прихожан (и это заняло все тридцать три года моей работы на одном приходе; священники, которые сейчас служат в епархии, все – мальчики моей воскресной школы, поэтому они тоже в этом направлении воспитаны) следующему. Во-первых, что каждая исповедь должна быть словно предсмертная, то есть ты должен исповедоваться не так, чтобы отделаться от поверхностных грехов, стереть пыль как бы, а исповедоваться так, будто тебя сейчас поведут на расстрел, сейчас ты умрешь и не хочешь войти в Царство Божие, нося на себе тяжесть грехов, от которых ты не отрекся. Разумеется, это не значит, что каждый способен с одинаковой глубиной это сделать, но каждый может это сделать в свою меру, и требуется от человека его собственная мера, не чужая. Но меньшего нельзя ожидать; нельзя «слегка» исповедоваться, нельзя исповедоваться так: «Конечно, я грешен, как все

люди, дайте мне, батюшка, разрешительную молитву, и хватит с меня и с вас»; исповедь – дело слишком серьезное.

Второе, чему я научил своих прихожан: чтобы они приходили исповедоваться после серьезной подготовки, и не обязательно часто, но тогда, когда в них созрело покаяние, когда созрела решимость сделать хоть какой-то шаг в новом направлении; и для этого мы разделили исповедь от причастия. Люди приходят исповедоваться глубинно, когда у них созрела исповедь, и на основании этой исповеди священники епархии и я, мы говорим: «Хорошо, теперь причастись несколько раз в течение какого-то времени, если не будет какого-нибудь реального препятствия, скажем, ссоры, злых чувств, внешнего или внутреннего греха». Мне кажется, что обязательное соединение исповеди и причастия привело к тому, что люди либо почти никогда не причащались, либо приносили поверхностные и недостойные взрослого человека исповеди. А в результате такого разделения, как у нас, исповеди глубоки, интенсивны, серьезны и являются поворотными пунктами жизни.

А причастие, мне кажется, нечто иное. Можно провести такое сравнение: древняя Церковь говорила об исповеди, то есть о Таинстве покаяния, как о бане очищающей, о причастии же как о пище, которая питает душу и жизнь. И если взять эти два сравнения: есть моменты, когда человек должен вымыться, но необязательно ему к столу идти; есть моменты, когда он должен идти к столу, вымылся он или нет, потому что иначе он *умрет*, никаким другим способом, кроме как силой Божией, ему жизни не вернешь. А есть моменты, когда то и другое соединяется по необходимости. Сейчас нет времени очень распространяться по этому поводу, но вот как мы действуем. И я могу сказать, что результат таков: безответственно никто не исповедуется, безответственно никто не причащается. Люди приходят и говорят: «У меня сегодня глубокая потребность причаститься; у меня нет таких грехов, которые мне закрывали бы путь (ясно, что каждый грешен; и, когда ты получил разрешительную молитву, ты не стал невинным младенцем), благословите!». Мы тогда молимся, и, если Господь мне на душу кладет слово, я говорю что-нибудь – о причастии, о жизни, о самом человеке, все равно, – и потом не даю разрешительной молитвы, потому что я никогда не разрешаю неисповеданных грехов, а благословляю причаститься.

– *Почему вы взяли в пример историю с раввином, совершенно нехарактерную для законничества? Существуют многие примеры из жизни наших подвижников...*

– Знаете – почему? Потому что примеры из жизни подвижников вы все знаете, а если не знаете, не вредно бы вам почитать Четьи-Минеи и их узнать. А этот пример вы, вероятно, не прочтете, потому что он на русском языке не существует, его надо читать по-английски или по-немецки⁶. И мне кажется, что он настолько яркий и интересный, что, относится ли он к раввину, мусульманину или христианину, он говорит об одном: о беспредельном, истинном сострадании человека, готового на сошествие во ад, о котором мы говорим по отношению ко Христу; потому что сойти в глубины чужого греха действительно порой бывает сошествием во ад. Первый в моей жизни человек, который ко мне пришел на исповедь, был убийца, и это было переживание действительно такого сошествия.

– *Священнику, раскрывая в проповеди христианское учение, приходится говорить о тех моментах учения, духовной жизни, которые сам священник не пережил еще; а объяснять и поучать необходимо. Как поступать священнику в таком случае? Ведь у Святых Отцов есть предостережение – не учить тому, чего сам не пережил...*

---

⁶ Издание: Бубер М. Хасидские предания. М.: Республика, 1997 – появилось через 15 лет после этого выступления.

– Я воспитан на том же принципе – и отклонился от него...

Коротко могу сказать так: я знаю правды Божией больше, чем могу воплотить в свою жизнь; и некогда людям, которые живут во тьме, ждать, чтобы я стал святым и только тогда начал говорить то, что я объективно знаю за истину. То есть если вы будете ждать, пока сами станете воплощением Евангелия до конца, чтобы отверзть ваши уста и кого-то поучать, вы никогда никого не научите, вы умрете до того, и я тоже. Но с другой стороны, мы можем говорить правду Божию с сознанием покаяния перед судом Божиим. Поэтому то, что мы – вы или я – не представляем собой того идеала, о котором говорим, не значит, что мы не можем его провозглашать. При абсолютно необходимом условии: чтобы мы, когда провозглашаем правду Божию, слово Божие, стояли перед Божиим судом вместе с теми или с тем, кому мы это говорим, с трепетом, с покаянием, в священном ужасе; иначе мы лжецы и лицемеры. Когда апостол Павел говорит: *Подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4: 16), – он не говорит: «Будьте такие замечательные, как я»; он, я думаю, имеет в виду: «Научитесь так каяться, как я раскаялся и каюсь». Он не говорит о дарах Божиих, он говорит о себе, но не о своей славе, а о том, как он всецело отозвался на зов Божий.

– *Жизнь вечная – подразумевается во временных условиях или вне их?*

– Постольку, поскольку мы делаемся подлинными живыми ветвями виноградной лозы, ствола, который называется Христос, вечная жизнь, жизнь воскресшего Христа течет по нашим сосудам и проникает в душу, и дух, и самую плоть нашу все больше и больше – или все меньше и меньше, в зависимости от того, как мы живем во Христе и Духе Святом. С другой стороны, мы верим, что придет время окончательной, всецелой победы Бога, и тогда настанет жизнь вечная, то есть приобщенность наша к Божественной природе, к Божественной жизни; так что обе эти вещи одновременно составляют предмет нашей веры. В данное время мы должны путем молитвы, путем следования заповедям Христовым, путем таинств, всего искания нашего святости, искать той вечной жизни, о которой Христос говорит, что Царство Божие внутри нас есть и сияет как бы из нас на окружающий мир; и придет время, когда это станет явлением не только как бы вне нас, а охватывающим и нас, и всю действительность.

– *Как понимать: «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар, чтобы никто не хвалился»?*

– Я должен ответить коротко и потому, может быть, неудовлетворительно, но думаю, спасение – это, с одной стороны, спасение от чего-то (от гибели), с другой стороны – спасение через приобщение чему-то. Наша поработанность сатане, греху, все то, что составляет нашу жизнь вне Бога, – предмет формы спасения, которую я обозначил словом «от чего-то». Но «от» – еще недостаточно. Вы, наверное, помните, что в чине крещения спрашивается: *Отрицаешься ли сатаны и всех дел его...* и т. д. Но после этого отречения второй вопрос: *Соединяешься ли со Христом?* То есть другой полюс спасения – наше соединение со Христом, и это не может быть человеческим делом, потому что это означает, что мы так соединяемся со Христом, как ветвь соединена с виноградной лозой, так едины со Христом, как каждый член нашего тела составляет живую, неотъемлемую часть этого тела. Это значит, что мы должны стать храмами Святого Духа, приобщиться Божественной природе, стать сынами и дочерьми Живого Бога или, как дерзновенно говорит святой Ириней Лионский, действием Духа Святого во Христе, Который – Единородный Сын Божий, стать единородным сыном Божиим... Ничего из этого мы не можем сделать, свершить или достичь никакими человеческими усилиями. Мы только можем верой, то есть поверив слову Божию, поверив Христу,

доверившись Ему и оставаясь верными Ему, открыться так, чтобы Он в нас совершил это дело спасения.

Разумеется, тут надо прибавить, что *вера без дел мертва*, как апостол Иаков говорит: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих (Иак. 2: 20, 18); разумеется, вера не заключается в том, чтобы жить по своей воле и только говорить: «Да, я верующий». Но вера как доверие, как отдача и как верность Богу – единственный путь, который открывается Божией благодати. Кто-то из древних писателей говорил: Бог может вступить в любое сердце, лишь бы оно ему открылось. Насильственно Бог не входит; и мы можем играть роль привратников, открыть Богу дверь, верой сказать: «Приди, Господи!».

– *Какова природа суеверия?*

– Вера – в первую очередь доверие к Богу. Суеверие – это испуганное отношение человека, который думает, что внешние обстоятельства или внешние знаки могут иметь над ним власть и силу. Суеверие всегда основано на том, что мы не верим, что мы под высокой рукой Господней, думаем, будто что-то может нас погубить и Бог нас не защитит. Ну, вы знаете, какие суеверия: тринадцатый человек; не пройти под лестницей; черная кошка дорогу перебежала... Некоторые говорят: «Ах, поп прошел передо мной!». Я не верю ни в какие приметы, но, если кошка и я где-нибудь встречаемся, я всегда даю кошке пройти первой, потому что кто ее знает: может быть, она суеверная.

– *В прошлом столетии Игнатий Брянчанинов писал, что монашество себя изжило. Что он имел в виду?*

– Не знаю, что он имел в виду, но помню, как Феофан Затворник, который тоже на эту тему писал, говорит, что приходит время, когда разогнаны будут монастыри и останутся монахи, то есть люди, которые выбрали Бога как единственную свою любовь, которые хотят любой ценой быть с Ним едины и готовы ради этого быть в совершенном одиночестве.

И когда я говорю об одиночестве, я не говорю о пустыне: современный большой город иногда более страшен, потому что в пустыне тебя никто не отталкивает, в городе же ты можешь быть оттолкнут всеми и пережить такое одиночество, как нигде. И мне думается, что и Игнатий Брянчанинов, и Феофан Затворник в этом были правы: исторически так и оказалось. И есть монашество не монастырское, которое не является просто целибатной формой жизни, а определенной формой монашеского подвижничества.

– *Насколько велико на Западе увлечение восточными религиями? В чем причина, как велика, на ваш взгляд, эта опасность?*

– На Западе сейчас очень большое увлечение восточными религиями. Это происходит, мне кажется, по двум причинам. Во-первых, потому что западные вероисповедания сейчас в потрясающем кризисе: кризисе веры, богослужения и нравственности, и человеку часто не удается найти опору жизни в одной из западных Церквей. Отрицание Воплощения, отрицание Божества Иисуса Христа, отрицание Воскресения, отрицание реальности таинств так распространилось не только у англикан и протестантов, но и в Католической церкви, что многие просто уходят: во что же верить и чем жить? Богослужение в результате беднеет, потому что, как правило, богослужение оформляется верой и выражает веру; и когда вера делается тусклой, когда в ней нет уже живительной силы, то богослужение становится проформой, делается полуконцертом вместо того, чтобы быть моментом созерцательного поклонения Богу.

Другая причина в том, что восточники, будь то буддисты, или индуисты, или мусульмане, указывают очень точный путь жизни, внутренней дисциплины, медитации, молитвы, поведения, поста и т. д., и люди в этом находят опору. Когда у них нет собственного костяка, они могут опереться на что-то. Тогда как вероисповедания Запада очень часто говорят:

«Читай Библию», – и все. Ну, спасибо! Научи меня, покажи, как ее читать, потому что, читая Библию, не обязательно поймешь все, что говорится в ней.

И кроме того, Англиканская церковь, Католическая церковь в данное время часто как-то не борются с этим, а стремятся к такому «пониманию» других вероисповеданий, которое не всегда происходит от совершенно ясной, твердой позиции, изнутри которой они стараются понять, что восточники хотят сказать, чем живут, во что веруют. Есть такое размытое сознание: «Ну да, это богопознание, которое разлито по всей земле, и можно и тут, и там что-то почерпнуть, чтобы обогатить наше христианское мировоззрение».

– *Как видеть свои душевные грехи?*

– Я думаю, что первый вопрос, который надо себе ставить, следующий: если бы моя жизнь открылась перед лицом всех, чего мне было бы стыдно? Легко ли мне было бы сказать: вот я перед вами стою, как лист перед травой, и вы бы посмотрели и сказали: Господи, он-то нам все это рассказывал, а он и врет, и обманывает, и крадет и т. д. Вот поставьте себе вопрос: чего мне было бы стыдно, если все, что во мне есть: мои поступки, мои мысли, мои чувства, мои волеизъявления, различные мои состояния, – открылось бы пред всеми. Это начало.

Дальше мы можем поставить себе вопрос, каков Божий суд над человеческой жизнью: заповеди Десятисловия, заповеди Блаженства, то, что написано в пятой, шестой, седьмой главе Евангелия от Матфея, вообще то, что сказано в Новом Завете.

А главное: по мере того как в нас возрастает ведение о Боге, по мере того, как мы Его знаем во Христе и в Духе, нам все яснее делается, как мы далеки от той полноты и величия человеческого, которое нам показано во Христе, и от того, к чему мы призваны. Одна из причин, почему грех так легко в нас действует, та, что мы боимся жить глубоко, зачерпнуть глубоко, заглянуть глубоко; нам легче жить на поверхности. Мы знаем, как справляться с поверхностными бурями, а пойти вглубь иногда очень страшно, потому что, когда идешь вглубь, сначалаходишь в область понимания, тишины, а потом начинают подниматься прямо чудовища морские, чудища, и делается страшно. И в результате мы не доходим до того места, где могли бы встретить свою совесть и Бога, потому что Он нас ждет глубже, чем эта поверхность. Он нам сказывается в этой поверхностной форме заповедей и явлением того, что такое подлинный, истинный человек во Христе. А свои глубины мы должны познать – да, дерзновенным уходом вглубь.

Слово пастыря⁷ (9 февраля 1983 г., Ростов-на-Дону)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа – этими словами начинается всякая проповедь слова Божия и всякое пояснение слов Господних, слов Самого Бога, ставшего человеком. И с каким благоговением должен проповедник *и эти слова* говорить, *и то*, чем он хочет поделиться с паствой Единого Пастыря, Единого Бога и Господа нашего. Но с каким благоговением и нам надо слушать это слово! Спаситель в Евангелии говорит: *От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься...* И в другом месте Священного Писания говорится: *Блюдите* (то есть берегитесь), *как вы слышите слово Божие*, ибо не слышатели слова, а творящие слово Божие спасаются и достойны называться христианами, то есть Христовыми, собственными учениками Христа, Его друзьями, Его родными, приближенными.

Мы сегодня празднуем день святого Иоанна Златоустого. В одном из своих поучений он нам говорит, что воздавать честь святому одними молитвами, одними песнопениями церковными – недостаточно. Если мы действительно поражены величием жизни святого, его святым обликом, то и сами должны от него научиться, как жить, а не только восхвалять его за то, что он сумел быть верным последователем Христа. И это относится равно к нам, пастырям, и к вам, детям Церкви Христовой. Страшные слова говорятся в Священном Писании о пастырях недостойных: *Проклят всяк, творящий дело Божие с небрежением...* Как страшно пастырям перед таким словом стоять и испытывать свою совесть! Как страшно думать, что словом он, может, крепок и истинен, но его жизнь свидетельствует о том, что он изменник Христу и обманщик людей. И как страшно слышать слова, которые я уже упомянул: *От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься...* На Страшном суде каждый из нас, пастырей, станет перед Господом, Пастыреначальником, Который жизнью Своей проповедовал, а не одним словом, и тогда услышит: сколько ты правды сказал, какие глубины ты познал из Евангелия, из учения Святых Отцов – а жил ли ты сам согласно тому слову, которое поразило тебя в сердце, и которое ты проповедовал людям?.. Страшно думать о том, что каждый раз, когда священник провозглашает Божие слово, благовестие Божие о спасении, он становится перед судом Божиим – и либо оправдывается перед Христом, либо осудится за то, как сам жил.

Но это относится в равной мере и к тем, кто это слово слышит: *Блюдите, как вы слышите слово Божие...* Есть притча в Евангелии о том, как вышел сеятель сеять. Одни семена пали на каменистую почву дороги, где были сразу поклеваны птицами. Они пропали, и росток не родился, они погибли, они были напрасны. Неужели кто-нибудь из нас, слыша слово Христа о том, *как Бог возлюбил мир, как Он нас учит жить*, – не вступит в путь заповедей Божиих, не сделает все посильное, чтобы жизнью показать Богу, что не напрасно Христос страдал и умирал на Кресте ради каждого из нас? Вся жизнь наша должна стать знаком, свидетельством нашей благодарности Господу за Его любовь, за Его страсть, за Его Крест, за сошествие во ад ради спасения погибших – в ад земной и ад преисподний.

Другие семена упали на почву, которая была неглубока. Они быстро выросли, потому что почва эта была сырая и сразу их напоила влагой, но корни быстро столкнулись с камнем, и росток, который мог бы дать богатую жатву, погиб, засох. Еще другие семена пали среди терний, среди сорной травы, и слабый росток был заглушен. Эта сорная трава, разумеется – не вещественная трава наших полей и оврагов; это та трава сорная, которая прорастает в наших сердцах от нечистой, недостойной жизни: злоба, зависть, ревность, холодность души, окаменение сердца, забывчивость, небрежность, – что только ни назовешь, страшно

⁷ Первая публикация: Любовь всепобеждающая: Проповеди, произнесенные в России. СПб.: Сатись, 1994.

делается! И вот эти страсти, эти наши переживания, которым мы постоянно себя отдаем, которым раскрываем свое сердце, свой ум, свою память, которые волю нашу делают злой, – эти сорные травы так легко могут заглушить живоносное, чистое, прекрасное Божие слово. Потому что Божие слово – не просто слово. Божие слово не соответствует нашим каждодневным мечтам и желаниям. Бог нас зовет быть великими, быть чистыми, быть святыми, быть достойными той любви, которую Господь Крестом проявил к нам.

Станем же той доброй почвой, о которой говорит Господь, – все мы: *и* пастыри, *и* пасомые. Все мы дети Божии, за всех жил, учил и умирал Господь. Станем такой почвой, чтобы каждое слово пало и было воспринято не с восторгом, а с любовью и пустило глубокие корни. И когда будет прорасти первый росток вечной жизни, чистоты, святости, любви, веры, надежды, – будем этот росток охранять всеми силами, чего бы это ни стоило; а стоит это порой дорого. Посмотрите на жизнь святых: как много они трудились, как героически они защищали, словно святыню, Божие слово.

Будем и мы учиться у них; но помните: пастырь будет таков, каково стадо, и стадо будет таково, каков пастырь, потому что мы составляем одно тело, одну жизнь, одну душу. Мы, пастыри, должны подкреплять каждого из вас живым словом правды и должны всей жизнью – и открытой нашей жизнью, и потаенной, той, что происходит в глубинах нашего сердца, – быть достойными того слова Божиего, которое мы провозглашаем. Но *и вы*, зная, что и пастырь – человек, что и у него слабость, должны всеми силами его ограждать от падения, от соблазна, от раздражения перед службой, от горечи, от того, чтобы казалось ему, будто напрасно он трудится и напрасно проповедует. Апостол Павел говорит, что верующие должны так заботиться о пастыре, чтобы он свое дело совершал с радостью, а не с воздыханием. Поможем друг другу: пастыри – святой жизнью, которая давала бы силу их животворному слову, слову Христа; а вы помогайте им вырасти в ту меру, к которой призывает нас Пастыреначальник Господь, – стать как бы иконами Спасителя Христа, прожить такой жизнью, чтобы верующие и неверующие могли увидеть в пастыре образ Спасителя, сеющего доброе слово и жизнь свою – всю, без остатка – отдающего за тех, ради которых умер Господь. Аминь.

О подготовке к священству (Из ответов на вопросы)

– *Нашим студентам приходится много заниматься и много бывать в храме, молиться. Имея большие возможности стать хорошими богословами и хорошими молитвенниками и пастырями, как сочетать то и другое, чтобы не вырасти такими головастиками?*⁸

– Мне кажется, что в период обучения приходится собирать с большим трудом, внимательно, с большим убеждением все, что потом должно в жизни пригодиться. Сразу начинать с того, чтобы создавать свое окончательное мировоззрение, – рано, потому что для того, чтобы построить свое мировоззрение, надо сначала иметь данные, и невозможно иметь мнения, построенные на очень примитивном, элементарном знании христианской веры. Надо сначала читать, думать и не стараться обобщать в систему то, чему учишься. Например, по отношению к Святым Отцам: надо сохранить каждому из них его личность, его особенную проблематику, различие мнений, чтобы помнить (и это очень важно: нам надо жить в сознании истории), что тот облик православного вероучения, который у нас есть, это, с одной стороны, церковное сознание, а с другой – только очертание, хотя в пределах его есть громадное богатство оттенков и глубин. И пока мы еще не познали то, что другие уже познали, надо спешить узнать; иначе нам кажется, что мы удивительно оригинальны, но, к сожалению, кажется-то это только нам. Кто-то из французских писателей говорил, что никто себя не чувствует таким оригинальным мыслителем, как тот, кто еще не читал чужие мысли. Богатство чужих мыслей, которые просто по миру бегают, очень велико, и можно незаметно подобрать полдюжины их, не заметив даже, откуда ты их взял, и на них основаться. Но этого мало.

У меня была та же самая проблема, потому что, когда я кончал среднюю школу, жилось, в общем, довольно бедственно. Я хотел идти работать на завод, а мои родные настояли, чтобы я пошел учиться. Мне думалось: что же я буду учиться, когда я хочу, во-первых, только молиться, а во-вторых, работать, потому что надо было чем-то жить. Мне казалось, что тут измена как бы на двух фронтах. И после семи лет университетских занятий я понял, как родные были правы; понял я немножко раньше, но тогда мне стало ясно, что какая-то замороженность, в которой я жил (будто положили в ледник на семь лет, ничего как будто полезного не делал, своих не кормил, себя кое-как прокармливал и ничего для Бога не делал), – только внешняя. На самом деле оказалось, что эти семь лет мне дали возможность быть врачом, что, в общем, полезная вещь, и меня научили очень многому в порядке дисциплины ума, в порядке хотя бы моего подхода к сомнению. Годы моей работы меня научили глубине человеческих отношений и т. д.

Поэтому, думаю, не бойтесь такого положения; только, во-первых, добросовестно ищите знания, причем объективного знания, знания того, что на самом деле есть, а не того, чего «хватит на моих прихожан». Потому что в порядке ума ваши прихожане, может быть, и не нуждаются в богословии Григория Паламы, а в порядке духовной жизни, если они православные христиане, они живут богословием Григория Паламы. Нет такого догмата в православии, который не имел бы непосредственного, прямого отношения к духовничеству. Я не могу себя назвать духовником, просто «на безрыбье и рак – рыба», но ко мне люди приходят, каждый божий день я по четырнадцать часов вижу людей, которые приходят говорить

---

⁸ Московская духовная академия, 2 декабря 1966 г.

о своей душе, о молитве, о сомнениях, о том или другом. И я вижу постоянно, как их проблемы, их запросы или просто ход внутренней жизни отражает то, что выражено в православной догматике о Святой Троице, об исхождении Святого Духа, об энергиях, о сущности, об усиях, об ипостаси, о всем том, что приходится учить, как какую-то китайскую грамоту. Но эти люди не выдумывали богословия; богословие рождалось у них из необходимости выразить словесно религиозный подлинный опыт – свой и целых человеческих общин.

Поэтому не думайте никогда, будто есть нечто, что можно назвать отвлеченным богословием. Есть люди отвлеченные, которые неспособны стоять на земле, и которые, конечно, и неба не достигают, а плывут где-то, как облака, между небом и землей; но богословия отвлеченного нет. Я уже сказал, что легко мог бы вам показать, как учение о Святой Троице является основой, корнями социологии и человеческих отношений, и как в нем разрешается целый ряд психиатрических проблем нашего времени; я это опытно знаю из работы психиатрических клиник и среди людей. И если догмат Святой Троицы может иметь такое применение, то тем более догмат Воплощения или учение о таинствах и т. д. Поэтому учите, старайтесь понять, старайтесь уловить не только то общее, что есть между всеми духовными писателями, – это легко, а то исключительное, неповторимое, что есть в каждом. Это одно.

Второе – учитесь молиться! Есть разница между молитвословием и молитвой. Учитесь именно молиться, а не быть хорошими техниками. Знаете, есть такие люди, которые читают замечательно, поют прекрасно, иногда даже служат умирительно, а в то же время душой где-то шатаются; или которые просто могут передать (потому что Бог им помог: дал им голос или манеру хорошую) другому то, чего они сами не поняли. Нет, молиться надо! И вот тут встает вопрос времени.

Мы все находимся во власти времени, но по своей вине, время тут ни при чем. То, что время течет, и то, что мы куда-то спешим, – две совсем разные вещи. Спешить – это внутреннее состояние; действовать быстро, точно, метко – это дело совсем другое. Примером возьмите вот что: бывает, на каникулах в деревне идешь себе по полю быстро, бодро, живо – и никуда не спешишь, потому что спешить некуда. А иногда видишь: человек несет два чемодана да еще три кулька и страшно спешит – а движется, как улитка. Поспешность заключается в том, что человек хочет быть на полвершка перед собой: не там, где он находится, а все время чуть впереди. И пока человек так живет, он молиться не будет, потому что тот человек, которого здесь нет, не может молиться, а тот, который есть здесь, не молится. Вот и все. Это чрезвычайно важно, мне кажется.

Простите, я хочу сказать об этом подробнее. Я обнаружил какое-то качество времени в очень, в общем, удачных обстоятельствах. Во время немецкой оккупации в Париже я был офицером французского Сопротивления и меня арестовали. (Конечно, всего, что я сейчас скажу, я тогда богословски не успел продумать, но основной опыт был основоположным для чего-то.) Случилось это так: я вошел в метро, и меня сцапали. В тот момент я обнаружил, что прошлое мое ушло по двум причинам: во-первых, потому что, если меня куда-то денут, никакого прошлого больше нет, я буду сидеть, а что было раньше – меня определять уже не может. Во-вторых, все, что на самом деле было, меня поведет на плаху, и поэтому этого не должно быть, это прошлое надо начисто отсечь и тут же выдумать такое прошлое, которое бы пригодилось. Будущее, если вы задумаетесь над собой, существует у нас постольку, поскольку мы его можем предвидеть и планировать. Например, когда идешь в полной тьме, в темноте, – будущего нет; идешь и ничего не ожидаешь, хотя ко всему готов. То будущее, к которому мы постоянно стремимся, только потому реально, что оно или наглядно у нас перед глазами, например уходящий автобус, или потому что мы к нему идем: я иду домой, я иду в кинематограф. Но если это отсечь, если осознать: вот, меня сейчас взяли, я совершенно не знаю, что будет. Меня могут ударить в лицо, могут застрелить, меня могут посадить в какую-нибудь немецкую каталажку, могут что-нибудь другое сделать, и каждое мгновение

будет так, то есть не будет мгновения, когда я буду знать, что случится в следующее, – в таком случае, оказывается, и будущего нет.

Мы живем, словно настоящего нет, знаете, как бы перекатываемся из прошлого в будущее. А настоящее – это то мгновение, когда перекатываешься; и на деле оказывается, что единственное реальное мгновение – это теперь, теперь я весь тут. И тут я понял то, что имеет в виду один из Отцов – аскетов V века, когда говорит: если хочешь молиться, вернись весь под собственную свою кожу... Мы ведь не живем под своей кожей; мы живем тут, там, здесь. Подумайте о себе, когда вы сидите за столом: глаза разбегаются, вы и в огурцах, вы и в рыбе, вы и в квасе, вы и в том, и в другом. Ваша личность расползлась по всему столу. А если подумать о жизни вообще – мы не под своей кожей живем, мы расползли во все стороны вожделениями, желаниями, дружбами, враждами, надеждами, устремлениями – чем хотите. Я не хочу сказать, что все это плохо, я только хочу сказать, что фактически под кожей остаются только внутренние органы, но человек весь вне себя где-то. Так вот, вернись под кожу. Как только тебя возьмут так, в метро, – вдруг ты весь под кожей. И чувствуешь, как ты к этой коже привык, и как она тебе нравится, и как тебе не хочется, чтобы с ней что-нибудь нехорошее было, – это раз. Во-вторых, чувствуешь, что в этой коже так уютно, и что совсем не хочется из этой кожи выйти.

И еще: прошлое мгновение опасно, будущее мгновение еще хуже; ой, только бы в это мгновение, сейчас, устоять!.. И оказывается, что под кожу влезть можно, что в ней сидеть уютно, что настоящее, текущее мгновение – единственное реальное и что в этом настоящем ужасно хочется остаться. А что со временем делается? Да оно без вас течет! Вы думаете – если вы движетесь, то движется и время? Ничуть. Время само по себе идет.

Если хотите, вот еще пример соединения того, что я говорил о времени и о молитве. Когда вы едете на машине или в поезде, машина движется, а вы сидите, книжку читаете, в окно глядите, думу свою думаете. Так почему так не жить? Почему, например, нельзя быстро ходить, руками что-то делать – и одновременно быть в полном стабильном покое внутри? Можно! Это показывает опыт, причем не святых, а самых обыкновенных людей. Но для этого надо учиться останавливать время, потому что (к сожалению!) не каждого из нас арестовывают, и поэтому некому учить постоянно. Но можно самому учиться, ведь и самому можно что-то сделать. Я вам дам два упражнения, и упражняйтесь; если вы научитесь их выполнять, то они вас научат всему прочему.

Первое, очень простое: когда нечего делать, когда время есть, сядьте на пять минут и скажите себе: я сейчас сижу, ничего не делаю, и делать ничего не буду в течение пяти минут, я только есмь... И вы увидите, что это удивительное чувство, потому что мы очень редко обнаруживаем, что «я есмь», мы почти всегда ощущаем себя как часть какого-то коллектива и частица по отношению к окружающим. Вот попробуйте.

Когда я только что стал священником, пришла одна старушка из старческого дома и говорит: «Батюшка, вот я четырнадцать лет занимаюсь Иисусовой молитвой, все время твержу, а никогда не ощутила, что Бог есть; что мне делать?». Я сказал: «Обратитесь к кому-нибудь, кто молиться умеет!». Она отвечает: «Знаете, я всех ученых спрашивала, да вот мне говорят, что вы только что рукоположены, может, ничего не знаете, а от сердца скажете». Я подумал: разумная старушка в каком-то смысле! – и говорю: «Знаете, я вам тогда от сердца и скажу: когда Богу вставить слово, коль вы все время говорите?». – «А что мне делать?». – «Вот что делать. Придите к себе в комнату, закройте дверь, поставьте кресло поудобнее: так, чтобы свет падал хорошо, чтобы и лампада была видна с иконой, сядьте и пятнадцать минут вяжите перед лицом Божиим, только не думайте ничего благочестивого и не молитесь». Старушка моя говорит: «Злочестиво же так поступать!». – Я ответил: «Попробуй, коли меня спрашиваешь, который не знает». Она ушла. Через какое-то время пришла снова, говорит: «Знаете, что на самом деле выходит?». Я спрашиваю: «А что выходит?». – Она рассказала:

«Вот что вышло. Я заперлась. Был луч света в комнату, я зажгла одну лампадку, поставила кресло так, чтобы вся комната была видна, взяла вязанье, села и подышала, посмотрела, – и давно я не замечала, что комната моя теплая и уютная. Лампадка горела; сначала волнения всякие еще не утихли, мысли бегали; потом я начала вязать, мысли стали утихать. И вдруг я услышала тихое тиканье моих спиц. От этого тиканья я вдруг заметила, как тихо вокруг меня, а потом почувствовала, что эта тишина совсем не потому, что шума нет, а что она какая-то (как она сказала) *густая*; это не пустота, а что-то. Я продолжала дальше вязать, и вдруг мне стало ясно, что в сердцевине этой тишины Кто-то: Бог».

Вот попробуйте – не пятнадцать минут, потому что для этого надо быть мудрой старушкой, а хотя бы пять минут. И если вы научитесь в течение пяти минут быть совершенно в настоящем времени, ни впереди, ни позади, а тут, вы узнаете, что значит *быть*. Один старик, французский крестьянин, однажды на вопрос: «Что ты часами делаешь в церкви, сидишь, даже четок не перебираешь?» – ответил: «А зачем? Я на Него гляжу, Он на меня глядит – и нам так хорошо вместе!». А что другое вам нужно?

После того как вы научитесь, когда нечего делать, ничего не делать (чего, вероятно, никто из вас по-настоящему не умеет), учитесь останавливать время, когда оно бежит. И когда вам кажется, что без вас мир не устоит: «Вот, если я не сделаю, все начнет рушиться, мироздание поколеблется», – вспомните, что без вас почти две тысячи лет христианство существует, не говоря о Вселенной, которая давным-давно существует до нас, – и отлично существует. И научитесь останавливать время в такой момент, когда оно, естественно, не стоит, когда застоя нет никакого. Для этого в момент, когда вы заняты, скажите: теперь стоп, я высвобождаюсь из своей занятости. Я, например, сейчас читаю с увлечением. Стоп на пять минут. Откидываюсь, сажусь, молчу, не смею думать ни о чем полезном, движущемся. Я есмь перед Богом... Когда учишься, это не так трудно сделать, потому что отвлечься от учения вряд ли большое горе. А когда читаешь какой-нибудь интересный роман, сказать себе: я посреди следующей страницы остановлюсь на шестой строчке, где нет даже запятой среди фразы, остановлюсь, чтобы время остановить, – это труднее.

Когда научитесь это делать, учитесь останавливать не только чтение, но и событие, скажем выключаться из разговора. Три-четыре человека разговаривают, и вы тоже; откиньтесь внутренне, влезьте под кожу, как улитка в раковину, и побудьте в сердцевине своего бытия, в том, что аскетическая литература называет сердцем; не в каких-то эмоциях, а именно в исихии, в безмолвии, в отсутствии молвы. Если вы научитесь это делать, то увидите, что можете читать, петь, работать, разговаривать – и ни одной минуты не терять молитвенного состояния. И это не заоблачная мечта, потому что если вам хочется этого вот столечко, то Богу хочется вот столько; Он вам навстречу пойдет с неба на землю, когда вы только ступите один шаг по земле.

Я думаю, что если вы так будете над собой работать, то вы будете молиться, и вы сможете и учиться, и молиться самым творческим образом, и никогда не терять ничего. Я не могу сказать, что умею это делать, но я просто умер бы от тоски и утомления, если бы хоть столечко не мог этого делать. За год на часовой разговор ко мне приходит в одном только Лондоне больше трех с половиной тысяч человек – так где-то надо найти устой, надо как-то выключаться. Это не значит заснуть или духовно задремать: войди под кожу и будь там.

– *Как сочетать исполнение монашеского обета с богословскими и пастырскими трудами?*

– Когда я принимал постриг немного более двадцати пяти лет назад, духовник мне сказал: «Ты ищешь в монашестве подвига и самоутверждения. Помни, что монашество – только в победе Божественной Любви в тебе, то есть в Божией победе над тобой». Я думаю,

в этом все дело. Если монашество определять тем, что ты, как мантийный монах, должен отбивать тысячу поклонов и читать пять тысяч Иисусовых молитв, и к тому прибавить все уставные богослужения, – конечно, некогда заниматься богословием и некогда заниматься пастырством, это друг друга исключает просто по времени, физически исключает.

Если монашество заключается в том, чтобы не быть, чтобы только Бог был в тебе и через тебя действовал, чтобы от тебя не осталось ничего, кроме послушливости, кроме прозрачности, кроме внутреннего богоприимного безмолвия и богоприимной немощи, тогда можно пастырством во всяком случае заниматься, потому что пастырство – это любовь.

Богословием, в некотором отношении, заниматься труднее, потому что люди, которые не одарены с некоторой стороны, скажем умственно, познавательно, могут находить, что усилие внимания, уходящее на усвоение, понимание, просто не дает места внутреннему деланию. Это ошибка, но эту ошибку может исправить не лектор, а духовник. Отдельному человеку я мог бы сказать, что ему делать, но в лекции я не могу сказать, это слишком частный, личный вопрос для каждого.

Но мне кажется, что монашество в отрешенности. Знаете, то, что Евангелие называет «отрешить вола или осла», чтобы он больше не был привязан. Это свобода от привязанности, это такое состояние, когда человек совершенно свободен следовать велению Духа, велению Бога. Это принимает монастырскую форму в монастыре; но это может иметь форму тайного монашества, которую за последние пятьдесят лет многие испытали, когда деятельность как будто ничем специфически религиозным не отмечена и человек является тем или другим, а не его деятельность и не его платье. Вот единственное, думаю, что я могу сказать в такое короткое время.

– Как вы посоветуете изучать богословие, какое иметь настроение?⁹

– Вопрос жестокий, поскольку я с самого начала сказал, что никогда богословие не изучал и вполне в этом отношении академически невежествен. Поэтому вопрос сводится к тому, чтобы сказать: что бы вы, Владыко, могли сделать, чтобы немножечко подправить свою необразованность?

Но, оставляя это в стороне, я скажу так: богословие – это слово о Боге, это не энциклопедия всего того, что за две тысячи лет святые о Боге сказали из своего опыта и что мы можем более или менее точно вместить в своей памяти, с тем, чтобы, когда нужно, преподнести другим, как мы снимаем книгу с полки в библиотеке и отдаем желающему читать. Богословие – это раскрытие на нашем уровне (или выше нашего) того, что за пределом обычного уровня восприятия, понимания Священного Писания или тайновидения, которое дается Духом Святым. И поэтому богословие не надо заучивать. Ясно, что вам надо сдавать экзамены и вы должны знать содержание курсов, но это еще никого богословом не делает. Богослов – тот, кто знает Бога, а не тот, кто о Нем имеет сведения (приблизительно так говорит святой Григорий Богослов). Богослов – тот, кто чисто молится, говорит другой Отец Церкви. Вот что надо. Учитесь, и учитесь глубоко, точно, внимательно. Но проникайтесь богословием, не только заучивая то, что вам преподается, а стараясь уловить, о чем же говорили эти люди, которые так знали Бога.

Я это вам поясню таким примером: музыка. К музыке можно относиться как физик, видеть в ней звуковые волны, которые можно изобразить кривыми и математически описать. И это – музыка, только для этого никакого звучания не нужно. Или музыка может до вас прийти, словно рука коснулась струн арфы, вызвала в вас ответный отзвук, чувство в вас родила. За этим вы можете попробовать проникнуть в тот жизненный и человеческий опыт,

---

⁹ Московская духовная академия, 12 сентября 1978 г.

который выразился в этих звуках. Потому что композитор, который писал эту музыку, писал ее из своего опыта жизни, и вы можете этого человека встретить и погрузиться в его опыт.

Так же надо изучать богословие. Надо к нему возвращаться. Одна из опасностей школьного изучения богословия, если этого не понимать, заключается в том, что студент заучивает богословские ответы, когда у него еще нет никаких богословских вопросов и запросов. Мой отец мне раз сказал: «Помни, что твоя память будет всегда работать быстрее твоего ума, и берегись своей памяти». И это правда. Может случиться, что вам поставит вопрос человек, который его вынес из трагической иногда жизни, а вы, вместо того чтобы взглянуть в человека, попробовать уловить трагедию, из которой родился его вопрос, сразу обернетесь к своей памяти и ему выдадите, как на подносе, полдюжины ответов. Тогда как на подносе они ему не нужны, нужно, чтобы они впились ему в сердце. А это станет возможным, только если до того они проббили ваше сердце. Поэтому сдавайте экзамены, учитесь, а потом ставьте заново все вопросы, начиная с себя: что я знаю об этом? Есть ли у меня к этому какой-то ключ?.. И постепенно делайте богословские ответы святых своим опытом – тогда они дойдут до других. Иначе вы будете ходячей библиотекой или, как один английский писатель описывал ученого человека без опыта, «ослами с тяжелой ношей книг».

– *Человеку хочется уйти с работы, стать священником, но он мечется, в какой-то степени ждет чуда, прямого указания, никак не может решиться, и так уже десять лет. Что ему делать?*¹⁰

– Во-первых, едва ли можно дать общий принцип, потому что есть люди, которые действительно призваны к научной работе. Наука как таковая мне представляется живой частью богословия, то есть это раскрытие творения Божия, его тайн, его глубины, его красоты. Поэтому нет такой области в науке, которая была бы вне Бога или по себе составляла конкуренцию нашему познанию Бога. Мы познаем художника из его произведений: *Небеса поведают славу Божию*. И мы вполне естественно можем заниматься наукой как частью нашего религиозного опыта. Я это пережил очень сильно, когда поступил на естественный факультет в Париже – и передо мной начала раскрываться вся глубина и красота физики, химии, биологии, именно как миротворения.

Что касается решения стать священником... Первое, думаю, – не надо считать, что можно стать священником, потому что наука опостылела: дескать, она мне надоела, я в ней больше не вижу смысла и потому могу стать священником. Помню мальчугана, который учился очень плохо, и его отец меня попросил с ним поговорить. Мы с ним долго-долго разговаривали о том, как было бы хорошо, если бы он занимался; и, когда я дошел до предела (потому что явно было, что я его не убедил), сказал ему: «Подумай, что ты будешь делать, если ни на что не будешь пригоден?». И он просиял до ушей, сказав: «Я стану священником, как папа!». Это не совсем тот подход, о каком я думал.

Мне кажется, есть два или три элемента к принятию священства. Первое: сознание, что Бог тебя зовет, – не как общее место, что все призваны, у кого есть готовность. А что ты лично призван, что Господь тебе говорит: «Будь Моим священником, паси Моих овец». Второе: как Господь тебя зовет? То есть часто молодой человек хочет быть священником, потому что ему кажется, что такая будет радость совершать богослужение; его сердце полно, и он хочет поделиться в проповеди тем, что Господь ему дал, что он получил от других; возможно, опыт ему показал, что он может дать добрый совет, и поэтому на исповеди он тоже сможет помочь человеку. Но мне кажется, что за этим еще стоит вопрос в словах Христа: «Хочешь ли пить Мою чашу? Хочешь ли погрузиться в тот ужас, в который Я был погружен?». И если мы

---

¹⁰ Москва, 1982 г.

можем ответить: «Да!» – серьезно продумав это (и обстановка жизни часто показывает, в чем это все может выразиться), тогда первый шаг сделан: был поставлен вопрос и был дан ответ.

А третье – признание со стороны людей того, что они видят на этом человеке Божию печать, что это не его фантазия, не его благочестивое желание, а что другие тоже это видят. Эти «другие» может быть община, могут быть священники, с которыми он будет вместе действовать, это непременно фактически должен быть епископ, который его будет ставить. Я не представляю себе, чтобы епископ имел право поставить человека, на котором он не видит этой печати.

В данном конкретном случае я, конечно, ничего не могу сказать; но думаю, что эти три элемента очень важны: зов, ответ и признание. Думаю, решительную роль в случае человека совестливого и ответственного может играть признание со стороны людей. Один из наших диаконов служил довольно долго, и в какой-то момент ко мне стали приходиться люди, спрашивать: «Почему вы его не ставите священником? Мы к нему хотим идти на исповедь». Это было признание в нем священнического качества; сам бы он тоже пошел, потому что он решительного разряда. Но есть люди, которые не решатся пойти, даже если и дадут самый убежденный ответ на зов Христов; и тогда решение общины или голос народный могут сыграть большую роль.

– Какую духовную литературу минимально для образованного христианина в наше время вы бы рекомендовали прочитать и изучить? И для священника – что он должен постоянно читать, постоянно изучать методически?

– Я могу сказать, что со мной было. Когда мне было семнадцать лет, я обратился к отцу Георгию Флоровскому, который для моего поколения был *Православие* через заглавную букву, с вопросом: «Я мечтаю когда-нибудь стать священником; что мне читать?». Он посмотрел на меня поверх очков (у него всегда сползали очки) и говорит: «Читайте Отцов в течение первых пятнадцати лет, а потом придете и спросите». И вот я читал Отцов первые пятнадцать лет. По своему складу я не очень люблю мистические писания; мне всегда казалось, что чтение мистических писаний сравнимо с тем, как проходишь мимо булочной, когда нет денег, нюхаешь свежий хлеб и знаешь, что все равно купить его не можешь. Тут то же самое: мало ли что кому-то дано видеть, мне-то от этого что? Поэтому я всегда искал таких, которые мне просто скажут: вот что делать; делай – и что-нибудь у тебя получится... И я читал аскетических Отцов. Для меня очень большую роль сыграл Феофан Затворник, гораздо меньшую Игнатий Брянчанинов, меньшую роль – Иоанн Кронштадтский (по писаниям, не по личности, конечно). Много дали авва Дорофей (он доходчив, прост и удобочитаем), Диадок, Марк Подвижник, подвижнические слова Симеона Нового Богослова, сотницы о молитве Максима Исповедника – вот такие вещи. Иоанн Златоуст очень многоречив. Он доходчив, но его залпом читать, том за томом, конечно, невозможно.

На Западе сейчас для многих среди православных большую роль играет старец Силуан, его собственные сочинения, то есть записи, скорее, чем комментарий отца Софрония. И «Откровенные рассказы странника», потому что на английском Западе, в англикано-протестантских кругах Иисусова молитва сыграла и продолжает играть большую роль. Она настолько проста и настолько воспитательна, что даже если вы принадлежите скорее к общине, чем к вероисповеданию, где догматическая вера жидкая, то первые слова ее исповедания веры постепенно внедряются в душу. Невозможно повторять «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий» без того, чтобы рано или поздно каждое слово не начать переживать именно по-православному, то есть по-евангельски. И «Откровенные рассказы странника» очень многим открыли православие, доступ к православному подходу к молитве. В «Рассказах» есть и опасность: вы не можете воспроизводить в своей жизни путь их автора, во-

первых, потому что он духовный гений, – можно собезьянничать, но нельзя воспроизвести. Кроме того, его духовный склад, обстоятельства его жизни совсем не похожи на обстоятельства жизни обыкновенного среднего англичанина, поэтому приходится перекладывать и его опыт, и его методику лично для каждого человека в доступной форме. Я сейчас читаю курс лекций (не в приходе, в другом месте) именно об Иисусовой молитве. Но конечно, с каждым человеком приходится заниматься отдельно, чтобы это не стало каким-то, как Феофан Затворник выражается, «талисманом»: дескать, я буду ее твердить, и Иисусова молитва меня перенесет от земли на небо.

– *Как у вас рукополагают во священника?*¹¹

– Рукоположение во священника или диакона у нас происходит, конечно, как в каждой православной церкви, но с одной разницей: все тайные молитвы рукоположения я всегда читаю вслух, чтобы весь народ их слышал и рукополагаемый тоже слышал. Иначе, когда он стоит на коленях и молится и слышит только протяжное «Господи, помилуй» и слова ектении, которые произносит в свое время диакон, пока епископ про себя или шепотом читает основоположные молитвы, он теряет большую часть Таинства рукоположения. Конечно, он может все это знать по книгам; но по книгам знать – одно, а переживать активно – совершенно другое дело.

И еще: по ходу чина рукоположения, когда одевают человека в диаконские или священнические одежды, весь народ произносит: «Аксиос!», то есть «Достоин!». Но тогда, если можно так выразиться, поздно кому-нибудь сказать «Анаксиос» («недостоин»): все уже сделано. И поэтому когда подводят человека к рукоположению, я трижды провозглашаю от имени народа, который его избрал и послал на рукоположение, и от имени всего духовенства (а когда архиерейская хиротония – и от имени сослужащих архиереев) «Аксиос!» вслух народа, всех участников. Потом идут молитвы, которые я читаю вслух, так, чтобы весь народ слышал.

И это очень важно, потому что мы здесь завели за правило никогда не рукополагать человека иначе как по народному выбору. Мне кажется громадной ошибкой – неизбежной большей частью, но очень несчастной, что человека готовят в семинарии или академии и потом посылают в приход, о котором он не имеет понятия, к людям, которые его не просили и не выбирали. А здесь у нас, когда человек хочет священства или диакона, думает об этом и ко мне приходит и говорит об этом, я ему ставлю первый и основной вопрос: если бы ты стоял перед Христом, как Иаков и Иоанн на пути в Иерусалим, и Христос поставил бы вопрос: «Готов ли ты пить Мою чашу, готов ли ты погрузиться в тот ужас, в который Я буду погружен?» – если ты можешь от всей души, серьезно ответить: «Да, я готов!» («могу» ты не можешь сказать; хотя бы «готов» – милостью и силой Божией, которая в немощи совершается), тогда можно думать о рукоположении, иначе нельзя вообще этот вопрос ставить. Поэтому иди домой и переживи это, пока не сможешь серьезно, вглубь сказать: «Да, я знаю свою немощь, но я знаю силу Божию, я знаю, что Бог меня действительно зовет». Следующий вопрос: слышал ли этот зов народ или нет? И предлагаю приходу вопрос о возможном рукоположении. И не ставлю человека в приход, где его не хотят, не выбрали и не готовы принять.

Возьмите, скажем, диакона. Диакон технически является мирянином, в том смысле, что его хоронят как мирянина. Что это значит? Это значит, что он в алтаре будет представителем всего народа, он, если можно так выразиться, «мирянин в священном сане». А «мирянин» – это не человек, который не священник, который как бы низшего сословия. «Мирянин» (от

---

¹¹ Лондон, 29 ноября 1993 г.

греческого слова *laos*) – это член народа Божия. В этом смысле и священник, и епископ остаются мирянами – не мирскими людьми, а именно мирянами. И поэтому, когда человек выбран, он посылается в алтарь, куда нам нет еще места, поскольку мы в становлении, от имени всего народа, потому что хотя мы все в становлении, однако мы Богом уже приняты, – и как бы в знак того, что весь народ принят Богом, один из его членов или несколько участвуют в богослужении в алтаре. Когда диакон выходит говорить ектению, он молится от себя, но он зовет весь народ молиться церковной молитвой, и, потому что он принадлежит этому народу, он не извне его зовет, он говорит: «Помолимся», а не «Помолитесь». Это мне кажется очень важным.

А дальше мы ставим вопрос перед духовенством. У нас два-три раза в год бывают собрания духовенства; и возможный кандидат приводится на это собрание и участвует в этих собраниях два-три, в зависимости от того, насколько он всем известен или неизвестен. Потому что есть такие люди, которые в общем светочи – и никем не замечены; а есть такие, которых все знают и насчет кого удивляются: «Почему, собственно, ты еще не рукоположил его?». И только если священники, священническое собрание говорит: «Да, мы готовы его включить в свои ряды», – я считаю возможным его рукоположить. А идея вот в чем: случись с ним духовная катастрофа, какая-нибудь беда житейская или духовная, – кто его будет выносить? Не епископ, потому что епископ может быть для него не самым близким человеком, он может быть не тот епископ, который его от души выбирал и ставил. Должны его выносить на своих плечах собратья. И только тогда можно человека рукоположить, если священническое братство говорит: «Да, мы этому человеку верим, мы готовы его поддержать в любых обстоятельствах». И тогда я принимаю решение о самом рукоположении. И это мне кажется очень, очень важным моментом.

Кроме того, я настаивал здесь из года в год, что стать священником – это не честь и не преимущество, это служение. То есть ты делаешься слугой, а не начальником или главой. Христос об этом ясно говорит: если хотите быть первым, будьте всем слугой... Я среди вас, как служащий... Поэтому если человек хочет уподобиться Христу в Его служении, то должен действительно считать, что он на дне и будет делать – если можно так сказать – всю грязную работу, он будет не в чести, он будет заботиться о грехах, о несчастьях, о бедноте, о горе и т. д. и на этом уровне служить.

Это относится в значительной мере не только к священнику, но и к епископу. У нас в течение столетий получился сдвиг. Епископ и священник заняли высокое положение в иерархии, тогда как на самом деле, как отец Софроний мне раз сказал, Церковь – это пирамида вверх дном, то есть тот, кто является епископом или священником, на самом низу должен быть, на нем как бы строится Церковь. И мы в какой-то мере потеряли это сознание народа Божия, то есть мирян как людей не священного сана, а как тела Христова. У апостола Петра сказано: *Вы – царственное священство, народ избранный...* А на что избранный? Мы избраны не потому, что мы такие замечательные, а потому что мы Ему поверили, а Он нам доверил спасение мира. Он нас посылает в мир с вестью о спасении, а это посланничество совершается иногда большой ценой. Мученики – не только те люди, которые физически были распяты и сожжены или обезглавлены, но и те, которые забыли совершенно о себе ради того только, чтобы помнить о других. Это очень важный момент – что миряне являются священством, то есть людьми, которые посланы в мир его освящать. А определение «царственное» священство, мне кажется, объясняется тем, что говорит святой Василий Великий: всякий может управлять, но только царь может умереть за свой народ.

Этот момент очень важный, потому что всякий рукоположенный, будь он диакон, будь он священник или епископ, – это человек, которому поручено освящать мир, если нужно, ценой своей жизни, не только словом и не только примером, но тем, как он относится к своей смерти, и как он свою жизнь отдает. И в этом смысле мы *народ святой, народ, взятый в*

удел, Божий удел, то, что мой духовник отец Афанасий как-то мне перевел: войско неубываемое... Потому что каждый, кто падает на поле битвы на земле, восстает бессмертным, непобедимым в вечности. И связь между народом, прислужником, иподиаконом, диаконом, священником, епископом должна быть совершенно тесна. Это одно тело, в котором каждый исполняет свою какую-то задачу, но задача всех – весь мир освятить, то есть вырвать из плена зла и отдать Богу.

Меня очень поразило, например, когда я в начале 1960-х годов впервые поехал в Россию и видел Москву, какая она тогда была, серая, скучная, подавленная. Вошел в храм, который весь сиял красотой, и мне стало ясно, что вера (и когда я говорю о вере, я говорю о крови, о жизни и смерти) каких-то немногих людей на этой земле, где Богу было запрещено существовать, выделила на этой земле маленькие участки, которые называются храмами и являются местом убежища для Бога. Это единственное место, где Он имеет право жить, а мы к Нему приходим, потому что где Он есть, там Царство Небесное, там вся полнота жизни.

***

...Часто забывают преподаватели или начальствующие в богословских школах, что молодой человек приходит полный жизни, полный желаний служить Христу и Церкви, но что сам он, может быть, еще не созрел для собственной жизни. Когда приближается конец его обучения, порой ему ставится вопрос: «Ты чего хочешь, монашества или брака? Если ты хочешь стать священником, ты должен сделать выбор». Так ставить вопрос перед молодым человеком совершенно несправедливо. Раньше безбрачное священство разрешалось только после пятидесяти лет, когда человек уже созрел и знал свой путь. Я понимаю, что мои слова разрушительны в каком-то отношении. Церкви нужны священники, и вы с ужасом можете подумать: неужели не рукополагать тех, которые еще не созрели, не готовы сделать свободный выбор? И мой ответ будет: да! Если молодой человек не созрел до того, чтобы свою собственную жизнь определить, то его нельзя рукополагать, искусственно заставив жениться или по послушанию принять монашество. В том и в другом случае это преступление против кандидата в священство. Но это тоже преступление перед теми, которые будут от него зависеть, когда он станет священником.

Это может означать, что довольно высокий процент студентов не примут священства по окончании духовного образования, и, конечно, для Церкви это большой урон. Но вопрос не в этом. Мы не имеем права калечить людей ради того, чтобы они руководили другими людьми и калечили их в той или другой мере, – потому что, по своей неопытности пойдя не своим путем, они будут и других вести не их путем. Я знаю примеры молодых людей, которые становились монахами двадцати лет с небольшим – по послушанию. Это преступление со стороны тех, кто это допустил. Послушание монашеское начинается после того, как ты стал монахом, но до этого твой выбор должен быть совершенно свободным. То же самое можно сказать и о тех, кого наталкивают на брак, потому что это им откроет путь к священству. Я знаю один по крайней мере случай, как молодому человеку был поставлен ультиматум найти себе невесту в течение двух недель, потому что «я хочу из тебя священника сделать». (Это было много лет тому назад и не относится ни к кому из архиереев, которые сейчас правят в Русской церкви.) Молодой человек выбрал девушку, которую знал, сделал ей предложение, она ответила: «Почему бы и нет?» – и они поженились. Он стал священником, и через довольно короткое время, через пару лет, оказалось, что у них ничего общего нет. Она полюбила другого человека, и они разошлись. И его священству пришел конец; и ее жизни в каком-то смысле пришел конец, потому что вместо святого, радостного, глубокого брака была комедия, была неправда. То же самое я знаю о многих людях, которых не только наталкивали, но как бы принуждали к принятию монашества. «Ты никого особенно

не любишь? Ты сейчас не собираешься ни на ком жениться? Так принимай монашество». Кто имеет право это сделать? Я думаю, что Церковь должна быть готова ждать часа, который воля Божия определит, и который определится для молодого человека и для девушки своевременным созревaniem.

Когда мне было лет семнадцать, я мечтал стать священником. Но жизнь складывалась сложно, и тогда, как вы знаете, я священником не стал. Учился на медицинском факультете Сорбонны, стал врачом, прошел через войну, и в какой-то момент, когда мне было уже тридцать четыре года, мне стало ясно, что мое желание стать священником было фантазией, а не волей Божией. И тогда я Богу сказал: Господи, прости! Я принимал за Твою волю свои собственные желания. Я вижу теперь, что нет Твоей воли на то, чтобы я священником стал. Я отказываюсь от священства... И в течение одного года я был нашим епископом вызван и вскоре поставлен священником. Но прошло семнадцать лет. А что было бы, если бы меня рукоположили не вовремя, когда я был полон аскетических, псевдомонашеских, пустынных иллюзий? Я вел бы людей по совершенно ложному пути.

Я думаю, что вопрос должен решаться очень строго, не «пользой Церкви» – в кавычках, то есть тем, что сейчас требуется, а тем, какие люди нам нужны для того, чтобы быть свидетелями Евангелия, свидетелями Христа, проповедниками Истины и Жизни другим людям. Такие люди могли бы на основании своего опыта, долгого ожидания, если нужно, прочувствовать, продумать свое положение и иметь через это человеческую мудрость, человеческий опыт, которые им позволяют и других вести по пути, который Бог им определил, а не церковная организация. Я знаю, что мои слова не встретят большого сочувствия среди многих, но это мои убеждения. Я здесь строил епархию, сейчас у нас двадцать шесть священников и диаконов, и я ни одного человека не рукополагал раньше, чем сам был уверен и другие бывали уверены в том, что настало время. Я никогда не рукополагал никого, о ком прихожане мне не говорили: «Почему ты его не ставишь диаконом и священником? Мы к нему готовы на исповедь идти, учиться у него, быть под его руководством». Если и церковная община, и сам человек, и его жена созревают до какого-то момента, когда они могут сказать: «Да, время настало», – тогда я делаю первый шаг и его рукополагаю. И я благодарю Бога, что ни одного человека я не подтолкнул к священству, когда он еще горел юношеским пламенем, а не светился зрелым светом.

– Вы к проповедям как-то специально готовитесь?¹²

– В течение моего священства это менялось. Вначале я вслух читал отрывки из старца Силуана. Затем, кроме этого, я готовил проповеди письменно – не текст, а заглавия и цитаты выписывал. Потом я перестал это делать. А теперь, за последние, вероятно, лет двадцать пять, я себе положил за правило не читать заранее Евангелие, которое будет читаться в храме. Все эти чтения, разумеется, я почти наизусть знаю все равно, так что это не то что совсем неизвестное вдруг благовестие. Но я стараюсь читать его вслух народу, потом продолжать служить Литургию и дать этому тексту дойти глубоко до меня. Опыт показывает, что каждый раз евангельское слово рождает какой-то ответ, и я тогда просто выхожу на проповедь и говорю: мы читали то-то, вот что я хочу вам сказать об этом, – именно то, что со мной родилось.

Один раз было очень – как вам сказать? – печально. Печально было то, что я прочел текст; я был в миноре, усталый, и он до меня не дошел. И в течение всей службы я переживал с ужасом тот факт, что Господь ко мне обратился со Своим словом, а у меня ничего не дрогнуло в душе. И когда пришло время проповедовать (я всегда проповедую перед отпуском),

---

¹² Москва, 1987 г.

я вышел и сказал: вот что случилось. Вы понимаете, какой это ужас?! Господь мне говорит такие-то слова, а я могу Ему сказать только: «Не доходит, мне нечего Тебе отвечать. Слова падают как будто на каменную почву». Я сказал это, и это тоже была проповедь, причем проповедь, которая соответствует опыту многих, потому что (не знаю, случается ли так у вас, может быть, вы более чутки, чем я) часто бывает: читаешь отрывок – и он до тебя не доходит. Ты понимаешь каждое слово, ты мог бы даже объяснить его, но душа не загорелась, сердце тяжелое, каменное, бесчувственное. И когда я это сказал, некоторые прихожане говорили мне: «Спасибо, что вы это сказали, потому что и с нами это бывает, но мы никогда не посмели бы в этом признаться».

Или бывает, в моей жизни что-нибудь случается, чего я не мог бы сказать в проповеди, относящейся к жизни другого человека, потому что было бы слишком больно. Дам вам очень резкий пример. Когда моя мать скончалась, я говорил целый ряд проповедей о смерти, но все знали, что я говорю о смерти моей матери и о том, что сам переживаю. И между прочим в следующее за ее похоронами воскресенье я говорил о тлении человеческого тела. Я не мог бы сказать никогда и никому о истлении тела его матери или его ребенка, но, пересилив себя, сказал. Это далеко не легко было, но я почувствовал: я должен это сделать, иначе это окажется несказанным. После этого одна прихожанка мне сказала: «Я никогда не думала, что вы можете быть до того бесчувственным!». Но это было не от бесчувственности, а потому что – единственный случай, больше никогда я не смогу это сказать иначе как в частной беседе. Так можно из жизни брать, из того, что тебя бьет, чего ты не можешь сказать по поводу другого, но о себе можешь. Вот как я к проповеди отношусь. Это не значит, что мои проповеди хороши, это значит, что я лучше не умею.

Священник на приходе¹³ (Радиобеседа)

– Как избирается человек на священнослужение? Как находить такого человека? Что он сам переживает в те моменты, когда готовится к призыву? Есть ли такой призыв, от кого он исходит?

– Этот призыв может исходить из двух источников. Некоторые люди чувствуют или думают, что их призывает Сам Бог; какой-то внутренний голос им говорит, что их путь – священство, что этого от них ожидает Сам Бог, и что им остается только отозваться.

Некоторых людей избирает народ. Я знаю случаи, когда священник был избран именно людьми, которые надеялись, что он будет их пастырем, руководителем и поддержкой. Это значит, что есть люди, которые в глазах окружающих прихожан или собратий-священников во всех отношениях готовы к священству, но которым в голову не приходило, что они могут стать священниками, – потому ли, что они себя чувствуют недостойными, или потому, что никогда не задумывались над возможностью принять священство. Бывает, человек избирается общиной, то есть к епископу приходят прихожане и говорят: «В нашей среде есть один человек, на котором мы видим печать священства. Он этого не ищет, он, может быть, никогда об этом не думал, но мы внутренним чутьем знаем, что он к этому призван».

Если хочешь пример: твое рукоположение было в значительной мере этим обусловлено. Ко мне пришли люди и сказали: «Почему вы не рукополагаете Сережу? Мы могли бы к нему с открытым сердцем ходить на исповедь». У тебя самого не было чувства, что нет другого пути для тебя, но несколько человек увидели на тебе печать священства. И мне кажется, что это очень важно.

Когда человек сам чувствует, что он призван, людям, которые за него ответственны, приходится очень внимательно вглядываться в него, вдумываться, потому что такие порывы бывают от молодости, от увлечения. Когда ко мне приходит молодой человек и говорит: «Меня влечет к священству, я чувствую, что это мой путь; как мне разобраться в этом?» – я всегда отвечаю: вот тебе одна фраза из Евангелия. Христос спросил Своих учеников: «Готовы ли вы пить Мою чашу, готовы ли вы креститься Моим крещением?». (Что значит: готовы ли вы погрузиться с головой в тот ужас, который Меня ожидает?) Уйди домой и продумывай, и не один день, а в течение долгого времени: если Христос к тебе обратится с этим вопросом, можешь ли ты всерьез, принимая в учет твое влечение, твои способности, крепость твоего характера, крепость твоей веры и т. д., ответить: «Да!». Если ты можешь ответить «Да!», то вопрос решен или, во всяком случае, как бы предварительно подготовлен тобой. А дальше пойдут другие критерии.

Нужно, чтобы люди вокруг кандидата на священство рано или поздно увидели в нем возможного пастыря. Если окружающий народ не видит в нем ровно ничего, то надо задуматься. Я не говорю, что народ в конечном итоге безошибочно решает. Помню одного священника, которого я рукополагал; я его знал очень глубоко и близко. Он человек крайне застенчивый и замкнутый, и окружающие его не знали. И когда я поставил вопрос о его рукоположении, мне возражали: «Это невозможно, мы его не знаем! У нас доступа к нему не будет, у него не будет пути к нашим душам!» Я сказал: «Хорошо, я это беру на себя, потому что абсолютно ясно убежден, что этот человек будет хорошим священником».

---

¹³ Беседа с протоиереем Сергием Гаккелем (Би-би-си, май-сентябрь 1993 г.).

Разумеется, первый уровень, который должен быть исследован очень серьезно, – это нравственная личность кандидата. Я говорю не только о поведении, но о цельности его нравственной личности и его нравственного мировоззрения. В этом отношении тот, кто хочет стать священником, и во время подготовки, и задолго до того должен, конечно, регулярно исповедоваться у одного и того же священника, и его духовник должен себе составить представление о его нравственной личности. Причем когда дело доходит до рукоположения, духовник может просто поставить вето, не объясняя ничего.

– Может ли, как правило, приход избирать своего священнослужителя?

– В свое время так было, и это может стать нормальным явлением. Я не верю, чтобы, скажем, в приходе в три, четыре или пять тысяч человек ни одного человека не нашлось, на ком почилась благодать Божия. Только люди не смотрят, не ищут этого, потому что считают, что это не их дело, что это дело священноначалия. Священноначалие, то есть местные священники, епископ, патриархия, богословская школа или кто угодно, примут решение и потом, как зерно в землю, бросят в их среду человека. Но нормально приход должен был бы воспитывать сам себя, во-первых, в зрелости, воспитывать своих членов в такой зрелости, чтобы они могли сказать: «Вот, у нас несколько человек, которые постепенно растут к тому, чтобы принять священство». Это должно бы быть нормой.

Часто бывает: молодой человек хочет стать священником; он обращается к своему приходскому священнику, тот обращается к епископу, ему дают рекомендацию, обучают в богословской школе и посылают в какой-то приход. Причем очень часто он попадает в приход, в котором он не бывал, где никого не знает, где все ему чуждо. Слава Богу, если у него есть многогранность, чуткость ума, чтобы понять этот приход и его куда-то вести. Но он может оказаться и в приходе, где ему все чуждо и где он до конца так и останется чужим.

Прибавлю еще одно. После избрания, после момента, когда соприхожане узнают печать Божию на человеке, следующий шаг, который мы здесь, в нашей епархии, совершаем обязательно: мы приглашаем этого человека на собрание всех наших священников (оно бывает несколько раз в год, в зависимости от обстоятельств, не менее двух раз в год), с тем чтобы священники с ним познакомились, как бы прощупали почву, попробовали узнать его, вынести какое-то собственное впечатление. Ведь несправедливо было бы епископу принять одностороннее решение, потому что последствия падут на приход и на собратьев-священников. А затем приходит мое решение, потому что в конечном итоге я, как архиерей, должен брать полную, окончательную ответственность за это рукоположение. Так, думаю, это должно происходить.

– Здесь очень важно соборное начало. Тут и приход играет свою роль, и епископ внимает этому мнению и действует на основе его...

– Да. Есть еще один момент, который я лишь упомянул. Духовник данного человека, не имея права разглашать тайну исповеди, имеет, однако, право без всяких объяснений ставить вето на рукоположение. Тут двоякий момент. С одной стороны, духовник не может сделать публичной внутреннюю трагическую жизнь данного человека; с другой стороны, зная, что у него есть такие недостатки, которые погубят его священство, потому что он будет ответственен за все зло, которое внесет, зная, что он будет губить людей, духовник должен сказать: «Нет!». Епископ не имеет права требовать объяснений; он должен очень серьезно поговорить с духовником, чтобы это было действительно ответственным решением; но если есть вето, то так тому и быть. Я один раз поставил вето против одного человека, не потому даже,

что он был, так сказать, «греховодник», а потому что я знал его как человека и знал, что он никогда не сможет понести приход, и ни один приход не сможет его понести.

– Это очень хорошая процедура. Ты ее применяешь. Но кто еще применяет ее? Признано ли это в разных епархиях Русской православной церкви как нужное, как норма?

– Что признано как норма – это факт. Насколько широко применяется – зависит от многого. Во-первых, от настойчивости епископа; он может требовать, чтобы это было применяемо очень внимательно и строго; зависит тоже от качества духовника; но принцип этот есть и постоянно практикуется. Кроме того, большую роль все-таки играет то, как кандидат развивается, какие у него складываются отношения с прихожанами. Помню одного молодого человека; он хотел стать священником, и я думал, что он будет хорошим священником. (Его у нас больше нет, он действительно стал хорошим священником в Америке.) Но прихожане мне говорили, что его манера обращения (он из простонародья был) слишком фамильярна: он хлопает людей по плечу и т. д. Я ему тогда сказал, что ему следует научиться большей сдержанности. То, что может дойти до священника, до епископа из разговора с прихожанами, играет роль. Разумеется, человек не должен держаться как икона-фальшивка, то есть стоять, будто он неприкосновенный и в нем ничего нет, кроме духовного; но с другой стороны, он не должен создавать проблемы для прихожан теми или другими элементами своего поведения.

– Прихожане и местное духовенство – это одно. Я думаю, скорее, о человеке, который уезжает в семинарию или академию, учится в чужой среде, и, значит, собратья не имеют на него влияния, не имеют даже возможности его оценить, узнать.

– В таком случае есть риск взаимной лояльности, поэтому тут надо проявить сдержанность. Если он оказывается плохим товарищем, нелояльным другом и т. д., это, конечно, явно сказывается; но есть свойства, которые могут сказаться только в привычной обстановке. Тут, я думаю, следовало бы кому-нибудь (я говорю не об официальном лице, а, например, о местном священнике) поговорить с родителями. Если окажется, что он никудышный сын или что по отношению к братьям и сестрам он себя ведет нагло и превозносясь: «Я-де буду священником, а вы что?» – тогда надо остановить все дело и сказать: «Нет, такой нам не нужен». Потому что священник в конечном итоге должен о себе думать как о служащем, а не как о начальствующем.

– Эта последняя мера довольно редка, как мне кажется...

– Думаю, что она очень редка, но ее надо выдвигать все больше и больше. То, о чем мы говорим, применяется или не применяется, но я думаю, что нам надо все больше и больше гарантий в этом отношении.

– При теперешней острой нужде в священниках иногда спешат с рукоположением людей, которые не прошли, так сказать, проверку на пастырство...

– В этом есть своя опасность. С другой стороны, насколько я знаю, выбирают на приходы таких людей, которые годами были чтецами или прислужниками. Они, может быть, не имеют богословского образования, но образование можно приобретать постепенно. Зато у них есть, во-первых, богослужебный опыт, во-вторых, они известны приходу и местному священнику, которым ясно, что такого человека можно рукоположить сначала в диакона, потом в священника, потому что и богослужение он будет совершать благоговейно, уставно

и хорошо; и сам он известен приходу как человек нравственно приемлемый, отец семейства, способный руководить другими на основании своего зрелого человеческого опыта.

Конечно, всякому надо получить какое-то духовное образование. Мне немножко неудобно об этом говорить, потому что я сам никогда не учился в семинарии. Но при некоторой культурности человек может читать литературу, может обращаться к людям, более его образованным. Скажем, меня формировало, с одной стороны, богослужение, с другой стороны – чтение духовной литературы и близкое знакомство с отцом Георгием Флоровским, с Владимиром Николаевичем Лосским и целым рядом подобных людей. Они меня не «учили» формально, но, общаясь с ними в течение нескольких десятков лет, я что-то воспринял. Если в приходе чтец, иподиакон в течение ряда лет общается с местным священником, с диаконом, с другими причетниками, с образованными членами прихода, он может не то что «нахвататься», а постепенно впитать в себя церковную мудрость, церковное знание и дальше его передавать. Если у тех, кто сейчас рукополагается без специального образования, без богословских дипломов, есть эти свойства, то в дальнейшем эти люди могут получить большее образование, но они сразу же могут быть «богослужebными» священниками.

– То есть на священство мы необязательно выискиваем незаурядного человека?

– Знаешь, если искать незаурядных священников, то есть людей, на которых все будут заглядываться и говорить: «Боже мой! Такого я еще не видал», – то кого бы из нас рукоположили? Так что мы ищем не незаурядного, а благочестивого, серьезного, нравственного. Даже красноречие играет меньшую роль, чем цельность.

Помню одного священника в Москве, который был очень уважаем; я сам его очень полюбил и подружился с этим молодым вдовым священником. И я спросил прихожан: «А скажите, вы к нему на исповедь ходите?». – «Нет, мы с ним даже и разговаривать не ходим». – «Почему?» – «Потому что если мы к нему будем ходить, его от нас уберут». Я говорю: «Хорошо; а какую он роль играет?». – «Мы с ним молимся». Вот если священник действительно молится и уставное богослужение совершает благоговейно, то он передает прихожанам опыт молитвы, то есть опыт своего личного, как бы тайного разговора с Богом, из сердца в сердце. А прихожане прислушиваются и слышат, как человек с Богом говорит.

– Приходская ситуация как-то воспитывает кандидата на священство. Преподавание в семинарии, возможно, будет сосредоточено в первую очередь на предметах, непосредственно к пастырству не относящихся. Да и проверяться ученик – кем будет?

– Я думаю, что все должны были бы пройти через пастырские курсы. Пастырское образование может передаваться опытным священником группе, если есть достаточно учеников, студентов, будущих священников, или одному кандидату; но какой-то курс должен быть пройден, где кандидату будут даны какие-то основы догматической веры, учения о богослужении (я говорю не об уставе, а о том, что богослужение в себе содержит в порядке исповедания веры и раскрытия православия). Ему будут даны понятия об исповеди, о проповеди, о духовном руководстве или о благоговейном молчании, когда говорить нечего. Есть такие вещи, которые можно передать «из руки в руку» небольшой группе людей, и этого может быть достаточно.

И большую роль надо уделить вопросу нравственности. Одна из трагедий России в том, что за все годы коммунистической диктатуры Церковь была ограничена в возможностях и в праве проповедовать веру. Но Церковь не была ограничена в праве призывать к строгой чистоте жизни и нравственности – и этого, к сожалению, Церковь не сделала. Скажем, баптисты в этом отношении чище нас, и это очень больно думать, знать и слышать. Баптисты

не пьют, баптисты не курят, баптисты не бесчинствуют, а нашим православным людям и в голову не приходит, что есть такие простые вещи, которые всякий может исполнить. Я уж не говорю о больших грехах. Об этом может говорить всякий нравственный человек: не о том, как ужасно и грешно поступать так или сяк, а о том, как прекрасен мог бы быть человек, если бы он жил в уровень христианской духовно-нравственной жизни.

– *Если кто-то хотел бы устроить такие курсы, вести их, какой помощи он мог бы ожидать? Есть ли литература на такую тему? По-моему, очень мало...*

– Литературы очень мало; но есть опытные люди. И если начать с того, чтобы опытные священники на своих приходах (либо группируя несколько приходов) взялись за такое дело или в каком-нибудь городе устроили такие курсы уже более официально, то людей можно бы подготовить очень быстро. В Париже в так называемой семинарии (это были, скорее, пастырские курсы) я преподавал пастырское богословие. Формально оно сводится к относительно немногому, но оно очень важно. Помню, один молодой священник мне говорил: «Что же вы весь год загубили: десять бесед о том, как надо молиться и других этому учить; десяток бесед об исповеди и еще десяток о проповеди – и ничего другого?!». А потом, попав на приход, он мне сказал: «Знаете, это единственное, что мне сейчас с руки. Другое, например знание новозаветного греческого языка или еврейского языка, я не применяю».

– *Пастырское богословие. Может быть, люди знают это выражение, но мало кто понимает, в чем это богословие состоит, как его преподавать, можно ли его вообще преподавать. Какое у тебя, Владыко, отношение к этому вопросу?*

– Пастырское богословие можно преподавать до какой-то степени, так же как можно преподавать музыку или искусство. Можно дать какие-то основные законы, основные правила, указать на основании литературы, в первую очередь Евангелия и примера Христа, на основании житий святых, собственного опыта, некоторые основные вехи. Но в какой-то момент студент или молодой священник должен научиться искать свои пути. Причем не воображая, что ему все сказано было, что он всему научился и теперь может человека вести от земли на небо. Он должен научиться знать свои границы.

– *То есть главное дело – в становлении самого кандидата на пастырство? Подготовка не может быть просто формальная, это процесс, и даже бесконечный процесс становления самого священнослужителя?*

– Да, я с этим абсолютно согласен. Это действительно процесс становления человека, его рост, его собственная духовная жизнь, возрастание его понимания. Одна из вещей, на которых я настаиваю всегда: молодой священник в простой обстановке или более опытный священник в порядке духовного руководства в первую очередь должен научиться молчать – молчать глубоко и прислушиваться к тому, что человек на самом деле говорит, и к тому, что Дух Святой в нем совершает.

– *В любых обстоятельствах? Или мы говорим сейчас об исповеди?*

– Я думаю, в любых обстоятельствах. На исповедь люди приходят более или менее подготовленные к тому, чтобы исповедовать свои грехи, но в обычной жизни священник встречает людей, которые стоят перед всей глубиной и проблематикой жизни. Если у него какие-нибудь предвзятые взгляды, если он заранее знает, какой ответ дать на такой-то вопрос,

потому что сам когда-то слышал нечто подобное, то ответ пройдет мимо, потому что слова те же самые, но человек другой. Человек не может в словах выразить все то, что в нем происходит, поэтому надо в первую очередь уметь молчать и слушать. Мы не умеем большей частью слушать ради того, чтобы услышать, как большей частью не умеем смотреть ради того, чтобы видеть.

– *То есть это молчание не имеет целью оградить себя?*

– Наоборот, это восприимчивость, которая может дойти до ранимости. Человек слушающий может быть очень глубоко ранен тем, что другой скажет, услышанное может очень тяжело лечь на него, оказаться обличением или упреком ему самому. Это бывает не только со священником, но и в плане обычных отношений между людьми.

– *Чуткость, молчание, восприимчивость: любой человек в любой момент жизни должен бы их иметь и щедро этим пользоваться. Ты сказал о щедрости, о жертвенности, именно о готовности обращать внимание на нужду человека. Конечно, как уже говорилось, надо подходить к данному вопросу и к данному человеку без предвзятости, не обязывая его ничем, не обрывая, давая ему возможность изложить свои взгляды, свои нужды постепенно и спокойно...*

– ...и не ужасаться тому, что он говорит. Потому что если, когда ты слушаешь человека, будь то на исповеди, будь то в обычном разговоре, он, сказав что-либо, увидит на твоём лице отвращение или страх, он не может дальше говорить с той же открытостью. Я помню, первый человек, который ко мне пришел на исповедь, был убийца. Если бы в момент, когда этот человек, которого я знал десятилетия, замолчал, я бы сказал: «Какой ужас! Никак я от вас этого не ожидал», – это был бы конец разговора и исповеди – и конец какого-то пути этого человека к освобождению.

Конечно, нельзя и наоборот, все принимать как должное. Нельзя с полным спокойствием сказать: «Ах да? Вы совершили убийство? Несколько?». Это было бы еще хуже в своем роде. Но можно отреагировать с состраданием, а не с отвращением. Можно поставить очень глубоко идущие вопросы, скажем о человеческой ненависти, но это должно быть сделано именно в порядке сострадания. Подобно тому как врач может причинить боль, но не потому, что пациент ему отвратителен, а потому что только по ту сторону боли возможно выздоровление.

– *Освобождение человека от боли, от напряжения, от тяжести греха – дело священника-духовника. Как его искать, как выбирать?*

– Надо идти не к самому знаменитому духовнику, а к тому человеку, который тебе созвучен. Если взять жития святых, скажем, периода расцвета монашества в Египте: там было множество старцев. Но люди шли – одни к одному, другие к другому, потому что те им были созвучны. Этот меня понимает, а этот не понимает. Этот – потому ли, что его душа настолько глубока, или потому, что его прошлое к тому подготовило, – открыт мне, а этот просто не может понять, о чем я вообще говорю. Есть этот момент выбора. Это очень важно; не всегда можно всю свою душу вылить, потому что человек незнаком тебе и ты к нему подходишь, как бы нащупывая почву.

Второе: ты можешь высказать в данный момент то, что сейчас сознаешь, что сам понимаешь, но есть глубины, которые тебе еще не открыты. Мне кажется, что духовная беседа или исповедь страшно похожа на раскопки археолога. Начинаешь с поверхности земли и

находишь какие-то остатки прошлого. И священник, духовник не должен спешить куда. Надо человеку дать сказать свое, разрешить на этой плоскости то, что надо разрешить, и как-то дать понять: да, оно так, но то, что ты говоришь, корнями уходит во что-то другое.

– Тут мы все-таки подчеркиваем, что там, где духовник подходящий и нет препятствий, надо придерживаться его одного. О препятствиях мы, может быть, еще поговорим, но главное правило (хотя оно не должно как-то сужать ни того, ни другого): есть один духовник, ты к нему приходишь, ты к нему привыкаешь...

– Есть русская поговорка: у семи нянек дитя без глазу. Если переходить от одного человека к другому, будь то учителя, будь то врачи, будь то священники, у каждого есть какой-то свой уклон, и ты не можешь вместить в себя все это множество подходов. Поэтому лучше держаться одного человека. Но надо помнить – и это очень важно священнику помнить, не прихожанину, – что иногда священник и прихожанин заходят в тупик. И тогда священник должен быть в состоянии сказать: «Знаешь, мы сейчас зашли в тупик, я не могу тебе помочь. Пойди к другому человеку и расскажи ему о нашей проблеме. Пусть он разрешит этот узел, а потом, если хочешь, ты ко мне вернешься или у него останешься». У меня был такой пример с очень выдающимся духовником; он ко мне послал одного своего пасомого, сказав: «Мы дошли до момента, когда он перестал меня понимать, и я перестал его понимать. Можешь ли взять его на себя и разрешить нашу проблему?»».

– А что, если духовник даже не сознает, что он перестал понимать?

– Тут два момента, мне кажется. Духовник должен осознавать, что он всего не знает, и должен прислушиваться, и, если не слышит, сказать: «Я не слышу и не могу тебе ответить». Большой частью священник может сказать: «То, что ты мне говорил, вызывает во мне такую-то реакцию. Это, я думаю, я могу тебе сказать действительно от Бога; это я могу тебе сказать из своего опыта; это я могу тебе сказать из того, что я читал у Святых Отцов; это я могу тебе сказать, потому что мне в подобном случае так посоветовали». Но надо уметь в этом смысле различать разные ситуации.

– Если духовник в самом деле не понимает, что есть эти ограничения, а духовный сын или дочь все-таки понимают, не следует ли просто отойти? Может быть, молча и не объясняя ничего, так как тот все равно ничего не поймет, и найти себе духовное руководство в другом месте?

– Такое непонимание, во-первых, говорит о том, что этого священника плохо готовили. И это очень важный момент, потому что это делается постоянно, во всех духовных школах. Людей готовят на то, чтобы они всезнайками выступили в бой. А второе: есть моменты, когда прихожанин, духовное чадо должно найти в себе мужество сказать: «Прости, я не могу дальше с тобой идти, я должен уйти к кому-то другому», – потому что чувствует, что советы, которые он получает, ему не открывают путь, а закрывают.

Я могу пример дать. Несколько лет тому назад мои друзья в России попросили меня повидать молодую еврейку, которая недавно приняла крещение. Она мне рассказала, что была неверующая, ей в руки попало Евангелие, она его прочла, и это стало для нее открытием. Христос оказался для нее Жизнью. Ее, подготовив, крестили. И когда она вышла из купели, крещеная и миропомазанная, молодой священник ей сказал: «Теперь что ты крещена, ты должна до конца твоих дней каяться в том, что твои предки убили Христа». Это же ужас! Она говорила: «Что мне делать? Мне сказали, что нельзя уходить от своего духов-

ного отца». Я ответил: «Надо уйти! Потому что он поступил совершенно неприемлемо!». И я знаю случаи, когда с высоты священства даются такие советы, которые никто не смеет давать, не можешь давать.

– *Это, конечно, самый страшный момент, потому что некоторые советы даются именно на исповеди, то есть каявшемуся нельзя потом говорить о том, что было между ним и священником. Человек находится как бы в плену у своего духовного отца. Ему нужно от этого избавиться. Как быть?*

– Я не согласен с целым рядом моментов. Во-первых, я думаю, что нужно очень хорошо отличать отношения, какие у тебя могут быть с приходским священником, у которого ты исповедуешься только потому, что ты в этом приходе. Он тебе не духовный отец, не наставник; он заслушивает твою исповедь, как сказано в молитве, только как *свидетель*. Вторая ситуация, при которой отношения более глубокие: можно говорить со священником, и он будет делиться своим опытом, тем богатством, которое он собрал за долгую или относительно короткую жизнь. И есть чудо, которое называется старцем. Это чисто харизматическое положение, ему научиться нельзя, это дар Божий. Ужас получается, если молодой человек воображает, что с момента, когда его сделали священником, он получил все дары старца. Я несколько раз говорил студентам духовных школ: «Вы поймите, что рукоположение вам дает право и обязанность совершать таинства, но не дает вам ни образования, ни красноречия, ни чуткости, ни опытности».

Церковь поручает тебе совершение таинств. Если ты перерастешь эту стадию путем внутреннего своего возрастания и сможешь делиться еще чем-то – не объективной проповедью, а проповедью или разговором, который насыщен богатством из чтения, из общения с людьми более богатыми духовно, чем ты, – это дело другое. Но не воображай себя старцем. Если с тобой это случится, это будет чудо, но стремиться к этому никак нельзя. И не старайся стать «духовником». Апостол Павел говорит: *Хотя у вас тысячи наставников... но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4: 15). Если ты человека не родил во Христе, не воспитал так, чтобы для него началась новая жизнь под твоим руководством, ты не духовник, ты – исповедующий священник.

– *Но если человек, может быть и не сознавая того, страдает «под игом», как ему от этого освободиться, кому он может об этом рассказать?*

– Если ты в тупике, из него надо выходить. Ты должен сказать своему «духовнику» или священнику, который тебя ведет (или не умеет вести): «Простите, я не могу оставаться под вашим руководством, потому что я потерял к вам доверие, и потому что мое доверие к самому себе убито вашим руководством; мне надо найти другого. Можете ли вы мне указать кого-нибудь? Или я буду сам искать? Или я буду просить другого?». Надо иметь мужество сказать: «Я должен уйти!». Так же как когда, лечась у какого-нибудь врача, ты видишь, что он ничего не понимает в твоей болезни, ничего в тебе не понимает, ты совершенно естественно идешь к другому.

Что касается до тайны исповеди, я скажу, как сам ощущаю это. Таинству характерно, что происходящее – происходит между тобой и Богом. Священник стоит рядом. В молитве, которую священник читает перед исповедью, говорится: *Я – только свидетель, дабы свидетельствовать перед Богом о всем, что ты скажешь мне; говори, не обинуясь*. То есть: не бойся меня, не стыдись меня, я – только свидетель. Суть исповеди – здесь Бог да ты, никого другого. Я убежден, что исповедь – такая ситуация, когда ты можешь Богу все о себе сказать, и черт не может этого услышать, исповедь как бы совершенно закрыта от злой силы. Злая

сила – черт, сатана, назови, как хочешь, даже бесенята – может прислушиваться и ничего не слышать. Когда же после исповеди ты начинаешь рассказывать о ней, ты раскрываешь ее всем чертям на свете, не говоря уж о людях. Это очень важно, мне кажется. Поэтому вопрос не в том, что ты сказал отцу такому-то и больше не имеешь права никому сказать; ты никому другому не должен говорить, потому что иначе это может быть услышано людьми и злой силой.

Но если речь идет о том, что в контексте таинства священник, который должен быть молчаливым свидетелем или провозглашать Божие слово, этого не сделал, ты должен пойти к другому и ему сказать (хоть на исповеди, хоть вне исповеди): «У меня такая-то проблема». И уже этот священник может пойти к первому и сказать: «У меня был такой-то; он очень смущен тем, что ты ему сказал. Может быть, он тебя не понял, может быть, ты или я можем ему разъяснить?». Или ему сказать: «Из того, что мне этот твой прихожанин сказал, ясно, что он не может больше у тебя исповедоваться, хотя бы временно».

– Такие ситуации могут оправдывать тем, что требуется послушание...

– Этим словом ужасно злоупотребляют. «Послушание» не означает просто дрессировку. Послушание – это такое соотношение между двумя людьми, когда, во-первых, тот, который находится в послушании, выбрал человека, в ком увидел наставника себе. Во-вторых, послушание заключается в том, чтобы вслушиваться в слова, которые тебе говорит твой духовный наставник, с тем, чтобы ты смог перерасти свой ограниченный опыт через опыт этого человека. Но и этот человек, в свою очередь, должен перерасти свой опыт через Евангелие, через Христа. Я встретил одного духовника, который сказал самую страшную вещь, какую я в жизни слышал. Он мне сказал: «Знаешь, я больше не молюсь перед тем, как давать совет людям, которые ко мне приходят, потому что, если я помолюсь и дам совет, это совет от Святого Духа, и, если человек не исполнит этот совет, он согрешил против Духа Святого и осужден на веки вечные». Это ставит спрашивающего в ужасное положение: если он не исполнит того, что ему сказано, он проклят навеки!

– Как в связи с этим можно применять епитимьи? Этот подход дисциплины или внешний подход может быть очень страшным...

– Епитимья заключается в том, чтобы человеку дать какое-нибудь духовное упражнение, которое ему поможет вырасти в другую меру, это не наказание. Иногда говоришь человеку, как рецепт: «Ты мне исповедал такие-то грехи; возьми данный, единственный грех и борись с ним, и для этого делай то-то. Скажем, читай такие-то молитвы, потому что в них содержится врачевание этого твоего греха». Или: «Постись, потому что твой грех заключается в обжорстве и в порабощении плоти». Я подчеркиваю, что это не наказание, не «ты сделал – так вот тебе!». Иначе «вот тебе» получается искаженное: «Ты поступил неправильно и в наказание будешь Богу молиться». Дико себе представить, что молиться Богу – это наказание. Исправлять грех надо тем способом, который возможен. Епитимья может заключаться в следующем: ты не будешь причащаться в течение какого-то времени – не потому что ты недостойн, а потому что ты не готов; это разные ситуации. Или: ты будешь вести более строгую, сдержанную жизнь, начиная с простых вещей; ты будешь ходить в кинематограф не чаще чем раз в две недели, потому что вся твоя жизнь заключается в рассеянности. То же самое можно сказать о телевидении, о радио. Создай такую обстановку, когда ты будешь один с самим собой. А когда ты один с самим собой, ты можешь быть уверен, что Бог здесь. Ты Его не замечаешь, но Он при тебе, Он тебя замечает. Вот в чем заключается смысл епитимьи.

– Я задал этот вопрос, потому что это тоже связано с порабощением и могут быть епитимьи совершенно неподходящие, как ты сказал, даже противодействующие излечению...

– При плохой подготовке священника, конечно, может быть наложено такое ложное послушание. Но я считаю, что, когда священник дает какую-нибудь епитимью, можно и должно прийти к нему и сказать: «Нет, я пробовал, это меня только разрушает. То, что началось во мне как живая жизнь, теперь делается только окостенелой формой; что вы мне можете посоветовать вместо этого? Как к этому подходить?». И я думаю, что разумный священник на это отреагирует разумно. Только для этого надо воспитывать разумных священников, воспитывать их в разумности, а не создавать у них иллюзию, будто благодаря тому, что они прошли курс обучения и стали священниками, они все знают и могут объяснить.

– Могут ли быть духовные отцы, духовные матери не в духовном сане?

– Конечно. История Церкви полна таких фактов. Возьми египетскую пустыню: кто там священником был? Почти все были, так сказать, мирянами в монашеском образе – в том смысле, что пустынники не были священниками, не совершали таинств, но были наставниками и духовниками. Я знал в Париже священника, духовным руководителем которого был мирянин. Речь совсем не о том, что на одном ряса, а на другом пиджак: этот мирянин знал о духовной жизни то, до чего этот священник, хотя и зрелый, еще не дошел.

– Если мирянин берет на себя духовничество, может возникнуть соблазн: человек не священнослужитель, а поступает как таковой, вокруг него кружок, который может стать в конце концов сектой. Кто, кроме архиерея, может знать об этом, должен ли архиерей вмешиваться?

– Большею частью, за редким исключением, люди, живущие вокруг такого человека, замечают, что он становится центром какой-то замкнутой общины; и на это должна быть какая-то реакция, потому что мы все друг за друга ответственны. Мы не можем сказать: «Я мирянин, моя хата с краю» – или: «Кто я такой, чтобы судить другого?». Потому что речь не о том, чтобы судить, а о том, чтобы не дать человеку погибнуть.

– Кто может проверять духовника, перед кем, кроме Бога, отвечает духовный отец или духовная мать?

– Ты ставишь тут очень трудный вопрос. Во-первых, есть критерий чисто внешний. Если священник оказывается катастрофой, к нему люди перестают ходить. И когда у какого-нибудь священника делается все меньше прихожан, когда все меньше к нему ходят на исповедь или за советом, он должен задуматься. Но и другие священники вокруг него, кто постарше да поопытнее, должны задуматься и иметь мужество сказать: «Слушай, в чем дело? Сначала все к тебе хлынули, а теперь все меньше и меньше и меньше ходят. Что случилось?». Конечно, можно услышать в ответ: «Я оказываюсь слишком строгим». Это легко сказать. Но более старшие священники или сами прихожане могут указать: «Нет, ты не строгий, ты просто даешь волю своей фантазии и воображаешь, что ты уже великий наставник, тогда как ты еще им не стал. И ты никогда им не станешь, если не начнешь с азов». Это одно.

Во-вторых, очень редко бывает, что священник один, что вокруг него ни одного собрата нет. Можно прийти к его собрату и сказать: «Знаете, нас очень тревожит отец такой-то. У него

такие замашки, которые разбивают человеческие отношения». Я знал священника, который разбивал браки. Он сам был женат, но они с женой друг друга не выносили и жили врозь. И он разбивал всякий брак, который оказывался перед его глазами, – не нарочно, а просто он никак не мог связать двух людей, мог только их разделить.

Кроме собратьев и мирян, везде, где есть сколько-то приходов, есть благочинный, к которому и другие священники, и миряне могут обратиться. Наконец, есть епископ.

– *Как приход воспитывает священника после его назначения на служение?*

– Я очень рад этому вопросу, потому что большей частью у людей тенденция думать, что священник воспитывает приход. Русская пословица гласит: «Каков поп, таков и приход». А я глубоко убежден, что «каков приход, таков и поп». То, чем является приход, играет большую роль в воспитании священника. С одной стороны, его открытость священнику, во-вторых, его правдивость по отношению к нему. Иногда бывает, что священник чем-нибудь неудачен. Он или проповеди говорит бесконечно долгие, или вовсе не умеет их говорить, или исповедует «не так»: либо слишком сдержан, либо, наоборот, слишком общителен. По моему, приход обязан ему это поставить на вид. Не обязательно напасть на него на приходском собрании, когда соберется несколько сот человек; а надо, чтобы кто-нибудь из прихожан, кто пользуется его доверием и уважением, поговорил с ним наедине: «Послушайте, отец... я хочу с вами поговорить. Есть некоторые моменты в вашем служении, которые воспринимаются плохо. Вы служите скороговоркой, и люди не успевают уследить за словами». Или: «Вы обращаете больше внимания на звучность вашего голоса, чем на ясность слов, которые произносите». Или (я упомянул проповедь) – бывают священники, которые не знают, как остановиться, или прямо считают, что надо столько сказать, что и часа не хватит.

Приход должен воспитывать священника, но священник не должен подыгрывать приходу. Первая задача священника – говорить Божию правду. Для этого он должен искать в самом себе и в Священном Писании то, что апостол Павел называет *умом Христовым*, чтобы то, что он говорит в проповеди, на исповеди, в частном разговоре, в какой-то мере мог сказать Христос его устами. Это, может быть, звучит кощунственно, но я имею в виду мерку, уровень.

В этом отношении есть постоянное взаимодействие прихода и священника, и приход играет большую роль. Приход может совершенно обескуражить священника, если тот (по молодости или по старости, на этих двух концах жизни) не может удовлетворить всех нужд прихода или отдельных прихожан, и на него будут насаждать и настаивать, что он непригоден, неумел, «вот был бы другой кто-нибудь». Это может подорвать в священнике те силы, которые могли бы вырасти и его сделать, может быть, выдающимся пастырем.

– *Как можно регулировать требования прихода?*

– Тут очень сложный вопрос, потому что когда мы говорим о приходе, мы говорим о чем-то довольно пестром. Приход не является абсолютно единодушной, единоголосной единицей, у которой только одно сердце, одна мысль, одна воля. В приходах разные течения, очень разные люди. Священник, который подходит, прямо как перчатка, части прихода, может оказаться не подходящим для другой его части. А у него должен получиться диалог и с теми, и с другими.

А скажи: как ты сам представляешь себе основные моменты отношений священника и прихода? Как бы ты определил то, чего надо ожидать от священника, чего прихожане могут требовать от священника в конечном итоге? Ведь даже святости нельзя требовать, потому что, как отец Софроний мне раз сказал, ничего на свете нет труднее, чем жить со святым.

Так что прихожане, может быть, не были бы довольны, если бы им дали патентованного святого...

– Один момент, я думаю, тот, что каждый член прихода, каждая семья в приходе будет требовать или ожидать, что именно к нему, к ним будет обращено лицо священника, в их судьбу, в их проблемы будет вглядываться священник, их будет как-то поддерживать в трудные минуты, во время испытаний. И когда одновременно поступает множество требований от разных лиц, священник просто раздирается на части. Каждый будет считать, что на него должно быть обращено главное внимание в первую очередь, и тут вопрос в справедливости и в разделении времени и энергии священника.

– Ты совершенно прав. Всякий человек в приходе имеет право рассчитывать на нераздельное внимание и заботу священника. Но нераздельное внимание нельзя определять количеством часов или минут, уделяемых человеку, а углубленностью и всецелой отдачей этому человеку в данный момент. Ты можешь в несколько секунд, в мгновение иногда показать человеку все свое внимание; можешь и три часа просидеть – и проболтать: человек будет изливаться и ничего не получит ни от тебя, ни от разговора. И поэтому надо научиться, когда находишься с человеком, быть только с ним. Это значит, что ты должен, во-первых, его видеть: посмотреть и увидеть, какое выражение его лица и глаз. Я это знаю еще с тех пор, как был врачом. Бывает – подходишь к постели больного и спрашиваешь: «Ну, как вы себя сегодня чувствуете?». А он, изверившись в том, что им интересуются, отвечает: «Да ничего», – а в глазах страх. Если ему сказать: «Нет, неправда! Тебе очень страшно?» – он признается: «Да!». Вот этот момент важен. Смотреть для того, чтобы видеть, а не только бы глазами не бродить по стенам.

Второе: слушать для того, чтобы слышать, Потому что иногда человек говорит одно, а в голосе звучит другое. Человек тебе ставит конкретный вопрос, но за ним стоит целый мир переживаний, и ты ему не можешь, ответив на этот вопрос, – ты ему можешь, если слушаешь и услышишь, что звучит за словами. Тогда с человеком говоришь лицом к лицу, без спешки, отдавая ему все время, которое нужно, – но не больше. Пусть будет час, а потом скажи: «Вот, я тебе сказал все, что мог сказать в течение одного часа; я о тебе буду молиться, а ты продумай наш разговор и, если нужно что-нибудь еще сказать или спросить, – вернись». Но продолжать разговор сейчас будет бесплодно, потому что он будет мельчать.

Иногда надо уделить довольно много времени, во-первых, чтобы с человеком познакомиться и чтобы человек с тобой познакомился. В этом отношении иногда выгодно и справедливо, отвечая или отзываясь на то, что он говорит, сказать нечто о себе. Не обязательно изливать душу, но можно сказать: «Я вас понимаю, потому что со мной вот что случилось...». Священник должен с благоговением слушать человека и с ним делиться, сколько нужно, своим опытом, но не ради того, чтобы удовлетворить его любопытство, – просто сказать то или другое о себе, когда это насущно важно.

Я могу дать такой пример. Как ты знаешь, до четырнадцати лет я не имел никакого представления о Боге, а в тот момент при чтении Евангелия со мной случился какой-то внутренний переворот. Я никогда никому об этом не говорил, кроме своего духовника, – настолько это было свято и таинственно для меня. Спустя лет тридцать я участвовал в диспуте, шел довольно выпрепанный духовный разговор. После нескольких минут этого разговора (дело было в городской ратуше той части Лондона, где я жил) из глубины большого зала вдруг раздался голос: «Бросьте вы эти свои рассуждения, ничего я в них не понимаю!». Мы посмотрели: рабочий стоит и говорит, указывая на меня: «Пусть этот вот человек в черной одежде нам объяснит, почему он в Бога верит!». И тогда я почувствовал, что я перед выбором. Я могу ответить: «Это моя тайна!» – но тогда я его предаю в такой, может быть,

момент, когда для него что-то может открыться. Или я должен пойти на риск, что опустошу свою душу, высказав то, что для меня было святыней, открыв дверь в тайник своей жизни. И я решил: нет, я не имею права сохранить свою тайну, – и впервые поделился ею. Потом это разошлось; там было человек пятьсот, и конечно, не он один слышал. Но в этот момент я почувствовал, что должен открыться, даже если придется потерять самое драгоценное; я должен открыться, потому что это ему нужно. А рассказать об этом просто потому, что ему «интересно», – ни за что бы не рассказал. Тут есть момент, когда ты должен соблюдать свое целомудрие и вместе с тем быть готовым открыться человеку.

– И приход должен быть готов к тому, что есть некоторые преграды: и временные, и человеческие? Что есть темы, которые просто нельзя обсуждать или в данный момент не надо обсуждать?

– Иногда в данный момент не надо отвечать или, может быть, следует иносказательно что-нибудь объяснить. Разговор должен быть очень правдивый, личный, но нельзя как бы раздеваться перед другим человеком.

– Могут, конечно, возникать такие требования на основании того, что человек считает, будто священник принадлежит приходу и он, прихожанин, имеет право на любые сведения, на все возможные ответы, несмотря на то, что в данный момент то или другое исключается...

– Я думаю, что приход в лице каждого своего члена должен научиться уважать священника. Я не говорю «почитать», но – относиться с уважением к его усталости, к его занятости, к его ограниченности и т. д.

Иногда человеку приходится пройти через суровый опыт. Был период, лет пятнадцать подряд, когда я принимал людей по восемнадцать часов в день. Я был тогда молод и крепок, но это было очень утомительно. Я начал падать в обморок при последней встрече, потом при предпоследней, потом еще предыдущей и стал сокращать встречи – на одну, на две, на три. Однажды поздно вечером в условленное время ко мне пришла прихожанка, посмотрела и говорит: «На вас лица нет!». Я ответил: «Да, я до нитки устал». – «Что я могу для вас сделать?». Ожидался ответ вроде: «Пойдите на кухню, приготовьте чай, посидим спокойно за чашкой чая и не будем разговаривать ни о чем глубоком, потому что я весь выдохся». Но я подумал: этот человек слишком хорош для того, чтобы так отделаться, и сказал: «Вы действительно хотите мне оказать милость?». – «Да!». – «Уйдите!». Эта женщина встала, не простилась, вышла, хлопнув дверью, и три недели ни звука не было от нее. Через три недели она мне позвонила и сказала: «Отец Антоний, я теперь поняла, что это было единственное, что я могла сделать для вас; я вас положительно благодарю за это».

– Мы говорили о нужде и о нравственности каждого члена Церкви и каждого священнослужителя. Но какие – особенно по отношению к последнему – можно применять воспитательные, если не карательные, меры, чтобы поправить ситуацию, когда он как-то явно грешит и, может быть, даже не сознает, насколько это вредно?

– Я думаю, что тут разные степени есть. Во-первых, если один из его собратий или даже кто-то из мирян обнаружит в священнике нечто, что является нарушением его священнического достоинства или просто евангельской правды, он может к нему подойти и просто сказать: «Мне надо с тобой поговорить. Меня – и не только меня – очень смущает то-то и то-то в тебе. Этим ты как бы доказываешь, что твои слова в проповеди не соответствуют твоим

действиям, и, значит, люди могут тебе не верить, твоим словам могут не верить, точнее, не могут верить. Более того: люди могут считать, будто можно говорить одно, не держаться сказанного, – и все-таки быть христианином». Это первое.

Далее, в Евангелии сказано: если твой брат в чем-нибудь согрешит, ты к нему пойдешь и поговори; если он тебя не слушает, попроси двух или трех свидетелей с тобой пойти и поговори с ним еще... Потому что это трагедия. Свидетели должны прийти к нему не как карательная экспедиция, не для того чтобы его обличать или унижать, а для того чтобы ему сказать: «Берегись! Ты ведь себя унижаешь, ты унижаешь свое священство, ты вводишь в соблазн тех людей, которых Христос тебе вручил; опомнись!». Если это не подействует, они не только вправе – они должны пойти к епископу и поговорить об этом.

Когда я был экзархом, у меня был случай: молодой священник забылся и увлекся одной прихожанкой. Я с ним говорил, и с его согласия обратился к другим священникам с просьбой о нем молиться, чтобы его вырвать из этого бедственного состояния. О нем молились, и он с этим делом покончил, он освободился от своего соблазна. До прихожан это не доходило, поэтому в общественном смысле трагедия была меньшая; но она была абсолютная с точки зрения положения данного священника. Ведь речь идет не о количестве людей, которые ранены, а о каждом человеке, кто ранен.

И наконец, в некоторых случаях от мольбы, увещевания, поддержки приходится переходить к каким-то каноническим нормам. Приходится сказать: «Если ты так живешь, то, пока не опомнишься, не придешь в себя, – не служи. Мы тебя не будем унижать и поэтому не скажем, что ты запрещен в священнослужении за такие-то поступки; ты попросись в отпуск по причине здоровья или какой угодно». Если человек окаменеет, как бы отвергнет собственное достоинство, уважение к своему сану и т. д., тогда дело может дойти до того, чтобы человек был временно запрещен в священнослужении или окончательно лишен сана. В общем, есть целый ряд таких ступеней, глубоко человеческих, когда можно с человеком поговорить как с братом, с другом и ему сказать: «Ты тонешь. Я не собираюсь руку наложить на твою голову, чтобы ты вовсе утонул, я хочу тебя поддержать и помочь выплыть».

– Мы говорили о подготовке человека к священству, к служению на приходе. Нужна ли какая-то подготовка его матушке?

– То, что священник женат, необязательно значит, что его матушка должна играть роль в приходе. Но действительно, надо позаботиться о матушках так же, как заботишься о подготовке священников. В старое время благочинный, посещая приходы, знакомился со священником, с его матушкой и детьми и писал отзыв о каждом священнике, так что епископ знал, как расценивается этот священник с точки зрения благочинного и прихожан. И конечно, впечатление о матушке и детях отражалось на оценке в целом самого священника. Теперь, конечно, этого не делают; но я думаю, что очень важно, готовя молодого неженатого юношу к священству, ему объяснить, внушить, ему дать понять, что выбор матушки имеет громадное значение, что он не должен жениться ради того, чтобы быть рукоположенным, а должен сначала поставить вопрос: кто будет моей женой?.. У меня был товарищ в Париже, который в течение пятнадцати лет не шел на рукоположение, потому что хотел жениться на той, которая будет для него женой, не «матушкой», а женой. Я знаю случай в России: молодой человек окончил академию, и его епископ ему сказал: «Я тебя через две недели рукоположу». Тот спросил: «Как же? Я не женат». И епископ ответил: «У тебя две недели для того, чтобы найти невесту». Он действительно нашел в течение этих двух недель невесту – которая оказалась катастрофой. Поэтому тут надо очень серьезно думать и не жертвовать человеком (и приходом) ради того, чтобы поставить священника как можно скорее.

Разумеется, у матушки должны быть очевидные свойства – свойства любой жены: чистота жизни, любовь к мужу и т. д. Но есть еще одно серьезное обстоятельство, которое может сыграть очень трагическую роль. Во всяком браке муж и жена могут всем делиться. Священник не имеет права делиться с женой ни содержанием исповедей, ни содержанием конфиденциальных разговоров, ни тем, что он может узнать о том или другом прихожанине, – это тайна его духовничества. И это значит, что жена должна ему так доверять, чтобы никакое сомнение, никакое колебание не могло между ними положить трещину. А это требует и соответствующей личности, и взаимного доверия, которое может вырасти только из глубокого внутреннего сродства и общения и должно быть заранее оговорено. Я знаю столько случаев, когда жена ожидала: у нас будет нормальный брак, мы будем всем делиться... – и вдруг оказывается, что есть какая-то область, куда она не имеет права вступать.

– Тут и ставится вопрос: кем оговорено, когда? И входит ли это в какой-нибудь целый курс приготовления ее к этой роли?

– Я это делал в большей или меньшей мере для каждого отдельного священника и его жены, в зависимости от того, каковы они были, какие у них отношения.

Во-первых, думаю, надо подчеркнуть: тот факт, что она жена священника, не дает ей никаких особенных прав; она не имеет права вмешиваться во что бы то ни было под предлогом, что она попадья. Часто бывает, что жена священника чувствует, будто она в своем роде «мирянка-священница» и что она может учить других, наставлять других: я-де жена отца такого-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 5,99р. (на 10.09.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.